4 99/127

Глубокоуважаемому

Александру Павловичу

Храповицкому

от автора

22 Марта 1908 г.

Новгород.

99
127

Приложеніе къ Памятной книжкѣ на 1900 г.

Пр
6091

Памяти Суворова

КЪ СТОЛѢТІЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ.

6-го Мая 1900 г.

И славы громъ,
Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ споровъ,
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ,
Прокатится, пройдетъ,
Промчится, прозвучитъ,
И въ вѣчность возвѣститъ
Кто былъ Суворовъ!....

Державинъ.

Съ приложеніемъ: 1) Снимка автобіографической записки А. В. Суворова; 2) Плана усадьбы Каменки Кривинской родовой вотчины Боровичскаго уѣзда, гдѣ родился Суворовъ; 3) Плана села Кончанскаго, гдѣ жилъ Суворовъ; 4) Герба и вида домика въ с. Кончанскомъ, реставрированнаго изъ стараго домика, въ которомъ жилъ Суворовъ; 5) Вида церкви въ селѣ Кончанскомъ; 6) Вида свѣтелки на горѣ Дубихѣ, любимаго мѣста лѣтнихъ занятій Суворова; 7 и 8) рисунковъ медалей, выбитыхъ въ честь Суворова.

Составилъ М. Полянскій

Дѣйствительный членъ Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.
Ф. 31-25327

НОВГОРОДЪ.
Губернская Типографія.
1900.

Ореолъ, въ которомъ Суворовъ является потомству на рубежѣ столѣтія со дня его кончины, такъ безгранично великъ, что послѣ капитальныхъ историческихъ изслѣдованій Милютина, Петрушевскаго, Орлова, Петрова, Смита, Дубровина и другихъ, трудно сказать о немъ новое слово. Не для такихъ любопытныхъ читателей это и пишется. Если эти строки, попавъ въ медвѣжьи углы губерніи, сдѣлаютъ кого нибудь изъ земляковъ обладателемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о Суворовѣ по этой скромной брошюрѣ, а не по наслышкѣ, всегда легендарной и уму недоступной, по сверхъестественности ходячихъ преданій, то цѣль наша будетъ достигнута. Разнесшіе славу и причуды по всѣмъ уголкамъ Россіи соратники Суворова, обыкновенно горячо его любившіе до обожанія, однако были виновниками заслоненія отъ народа истиннаго образа Суворова, великаго его воспитательнаго значенія на народъ и войско изъ него вышедшее. Задача всѣхъ и каждаго, по мѣрѣ возможности, возстановить въ сознаніи народномъ этого великаго образцоваго россіянина, являвшаго собою примѣръ: патріотизма, благочестія, чисто евангельской любви къ меньшей братіи, глубокаго знатока народныхъ воззрѣній и понятій, а въ дѣятельности своей такого витязя — исполина духомъ, предъ какимъ издревле привыкли благоговѣть народныя массы. Рѣдкое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ всѣхъ этихъ качествъ и должно служить образцемъ для изученія и посильнаго слѣдованія его завѣтамъ.

М. Полянскій.

2007043144

Г. Александръ Суворовъ Рымникскій

Родъ Суворова.

Предки генералисимуса принадлежали къ древнѣйшему Новгородскому дворянству. Родоначальникъ ихъ Шведскій дворянинъ Павлинъ съ сыномъ Андреемъ вступили въ русскую службу въ княженіе Московскаго Великаго Князя Семіона Іоанновича Гордаго (1340—1353 г.) и были жалованы порубежными вотчинами въ русской корелiи. Потомки этого шведа затѣмъ разселились по Шелонской и Бѣжецкой пятинамъ Новгородской области.

Новгородскія лѣтописи (изданіе Археографической комиссіи Спб. 1879 г. стр. 116—121) упоминаютъ о подъячемъ Богданѣ Суворѣ съ сыномъ его Агафономъ и о царскомъ дьякѣ Постникѣ-Суворовѣ, въ качествѣ помощника Новгородскаго намѣстника князя Пронскаго, подъ 1572 годомъ. Новгородскія писцовыя книги (изданіе Археографической комиссіи, т. 4, переписныя оброчныя книги Шелонской пятины, Спб. 1886 г., стр. 483—486 и 532—534) упоминаютъ о Новгородскихъ дворянахъ вотчинникахъ:

1) Василіѣ Суворовѣ, сынѣ Назима Суворова, подъ 1539 г., какъ владѣльцѣ деревень въ Шелонской пятинѣ: Костелева, Ракочино, Филипово, Блазъ, Овечкино, Которецъ, Короваева, Выдрица, Ракитино, Зуецъ, Острыевъ, Горюшка, Соловьево, Опекишево, Нивки; усадьба помѣщичья показана при деревнѣ Ракочино, людей тяглыхъ 39 человѣкъ. Помѣщикъ пашетъ на себя двѣ обжи, а съ 18 обжъ получаетъ доходъ пятую часть урожая хлѣба и деньгами рубль и полъ четверти гривны съ деньгою въ Новгородское число, а мелкаго доходу 18 барановъ, 18 полоть мяса, 18 пятковъ льну, а платитъ дани на великаго князя по алтыну съ обжи. Кромѣ того Суворову принадлежалъ „садъ съ вишеньемъ и озера: Которецъ, Филипово и Зуецъ, а рыба въ тѣхъ озерахъ всякая, бѣлая“.

2) Олферіѣ Суворовѣ, сынѣ Назима Суворова, подъ 1539 годомъ, какъ владѣльцѣ деревни Загорье съ усадьбою въ Щирскомъ погостѣ.

3) Семенѣ и Нечаѣ Суворовыхъ, сыновьяхъ Василія Назимовича Суворова, умершаго въ 1545 г., упоминается подъ 1552 годомъ,

какъ о наслѣдникахъ вотчинъ Василія Суворова и, что они, владѣя, тѣми же деревнями, получаютъ доходъ оброчный 2 рубля, 13 алтынъ и 2 деньги въ Московское число, доходъ натурою прежній, т. е. 1539 года.

Генералисимусъ, въ поданной имъ въ 1786 г. своей автобіографіи Московскому дворянскому депутатскому собранію, о своихъ предкахъ пишетъ, что Суворъ и Наумъ Шведскіе выходцы поступили на службу къ царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 1622 г. Очевидно древнія рукописи фамильнаго архива были плохо разобраны: изъ Низима прочитанъ Наумъ и переводъ года по старому счисленію сдѣланъ съ ошибкою на цѣлое столѣтіе. Корельскіе же выходцы названы имъ Шведскими для большаго почета званія предковъ.

Въ 1786 г. въ Новгородскихъ вотчинахъ въ Кривинской и Сопинской волостяхъ состояло въ деревняхъ крѣпостныхъ 970 мужскаго пола и 950 душъ женскаго пола.

Ошибка во времени переселенія въ Шелонскую пятину Новгородской области Корельскаго выходца Сувора и сына его Назима подтверждается и родословною книгою Долгорукова (Спб. 1855 г. т. 2, стр. 65), гдѣ указано о прибытіи на царскую службу Сувора въ началѣ XVI вѣка.

Книги разрядныя (изданіе II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи Спб. 1855 г. т. II, стр. 739) упоминаютъ подъ 1633 годомъ Воеводою въ Ростовѣ (Ярославской губерніи) Василія Петровича сына Суворова Наумова.

Родословіе Суворова.

Корельскій выходецъ изъ Шведскихъ дворянъ Суворъ—потомокъ поступившаго въ Новгородскую порубежную службу, въ княженіе Семіона Іоанновича Гордаго (1340—1353 г.), Шведскаго дворянина Павлина съ сыномъ Андреемъ.

Назимъ 1522.

Василій 1539. Олферій 1539.

Семенъ 1552. Нечай 1552.

Богданъ 1572. Постникъ Суворъ 1566—1572.

Агафонъ 1572. Юда. Наумъ. Григорій Бухара. Иванъ Кобякъ. Андрей Хруль.

Борисъ 1628—1686. Никита. Петръ.

Оедоръ. Андрей 1648. Василій воевода Ростова 1633.

Григорій. Иванъ 1661—1680. Воевода въ Тюмени. Иванъ меньшой

Иванъ генеральный писарь 1682. Сергѣй. Гаврилъ.

Иванъ протоіерей. Василій генералъ-аншефъ 1705—1776. Александръ капитанъ-поручикъ гвардіи. Адріанъ воевода въ Данковѣ 1699—1701.

Князь Александръ 1730†1800. Анна за кн. Горчаковымъ. Марія за д. с. с. А. В. Олешевымъ. Михаилъ. Оедоръ.

Князь Аркадій 1780†1811. Кн. Наталія 1775†1844. за графомъ Н. А. Зубовымъ.

Князь Александръ 1804†1882. Кн. Константинъ †1859. Кн. Марія за кн. Голицынымъ. Кн. Варвара за д. с. Башмаковымъ.

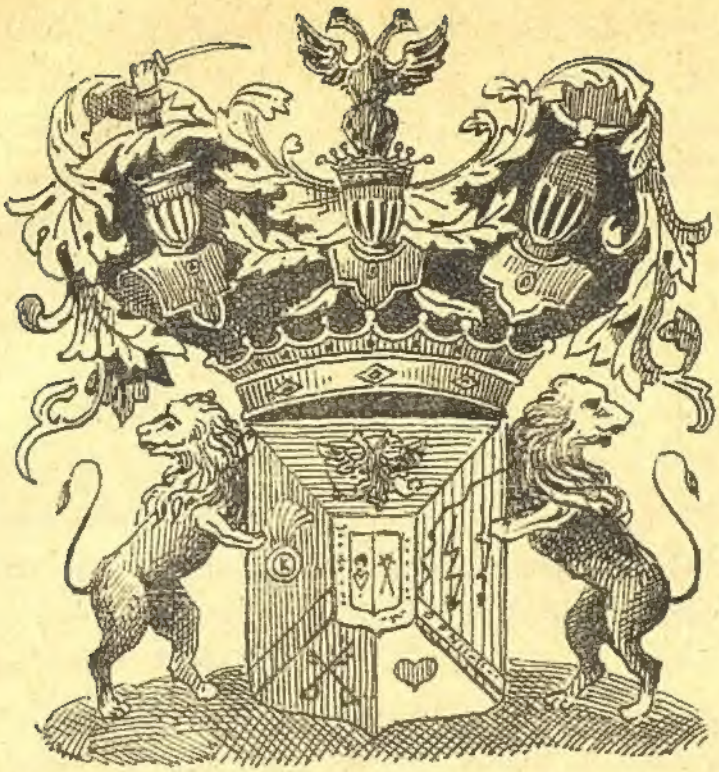
Князь Аркадій 1833†1862. былъ женатъ на Базилевской. Кн. Любовь за флиг.-адъют. В. В. Молоствовымъ. Кн. Александра за полковникомъ С. В. Козловымъ. Александръ. Аркадій. Сергѣй.

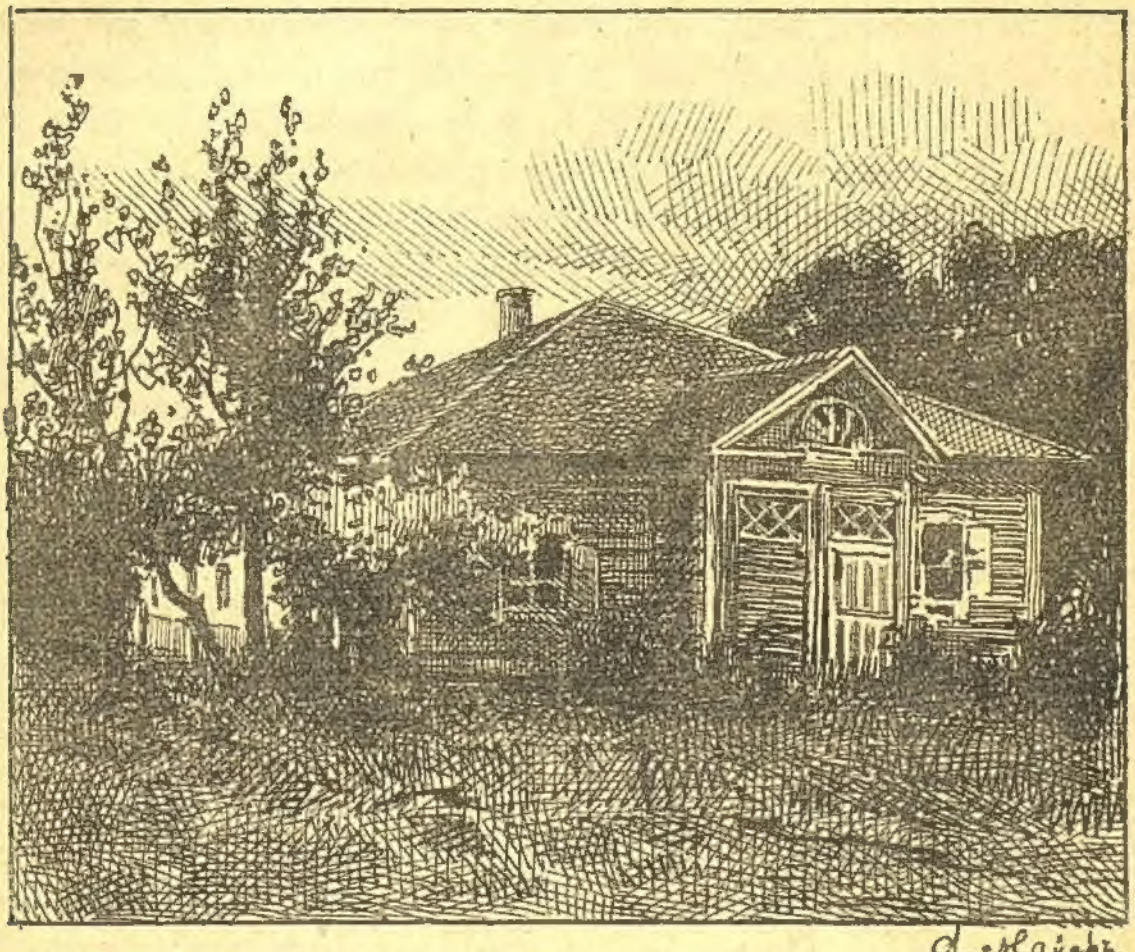
Владиміръ Владим. Молоствовъ.

Описаніе герба князей Италійскихъ графовъ Суворовыхъ-Рымникскихъ. (Общій Росс. Гербовникъ, ч. IV, № 7). Щитъ раздѣленъ горизонтально на двѣ половины; въ верхней половинѣ въ золотомъ полѣ, Россійскій двуглавый орелъ, имѣющій на груди голубой щитикъ съ вензелевымъ изображеніемъ Имени Императора Павла I-го. Орелъ держитъ въ правой лапѣ шпагу, лаврами обвитую; въ лѣвой лапѣ королевскую корону, подъ ногами у орла карта Италіи. Нижняя половина герба раздѣлена на 4 треугольныя части тремя линіями, изъ коихъ одна протянута посреди перпендикулярно, а двѣ отъ верхней средины къ нижнимъ угламъ. Въ правой верхней части, въ пурпуровомъ полѣ, алмазное перо съ литерою К., напоминающей знаменитую побѣду великаго Суворова надъ турками подъ стѣнами Кинбурна. Въ правой нижней части, въ красномъ полѣ, крестообразно положены двѣ лаврами обвитыя шпаги, остріями вверхъ. Въ лѣвой верхней части, въ голубомъ полѣ, изъ тучи вылетающія двѣ громовыя стрѣлы поражаютъ полумѣсяцъ, рогами внизъ обращенный, и подъ коимъ діагонально течетъ рѣка Рымникъ. Въ лѣвой нижней части, въ серебряномъ полѣ, красное сердце. На верхней серединѣ нижней половины герба положенъ малый щитикъ, заключающій въ себѣ, въ двухъ перпендикулярныхъ поляхъ, родовой гербъ дворянъ Суворовыхъ: въ правомъ серебряномъ полѣ панцырь, а въ лѣвомъ красномъ полѣ, крестообразно положенныя шпага и стрѣла серебряныя, остріями внизъ. Около этого малаго щитика девизъ: „за вѣру и вѣрность“. Девизъ данъ великому Суворову Императоромъ Германскимъ Іосифомъ II, при возведеніи его въ графы имперіи Римской. Щитъ покрытъ Россійской графской короной, на коей поставлены три серебряные шлема. Правый шлемъ покрытъ римско-графскою короной, а на ней двуглавый орелъ имперіи римской. Средній шлемъ покрытъ россійско-графскою короною, а на ней россійскій двуглавый орелъ съ мальтійскимъ крестомъ на груди. Лѣвый шлемъ покрытъ короною дворянскою, изъ коей выходитъ рука въ латахъ, держащая саблю. Щитъ держатъ два льва. Гербъ покрытъ княжескою мантіею и россійско-княжескою шапкою.

Рожденіе Суворова.

По указанію внука генералисимуса знаменитый дѣдъ его родился 13 ноября 1730 г. въ родовой усадьбѣ Каменкѣ Боровичскаго уѣзда Новгородской губерніи, гдѣ и провелъ первые десять лѣтъ своей жизни. Домъ, въ которомъ онъ родился, вмѣстѣ съ садомъ, отчасти





Гербъ и видъ домика въ с. Кончанскомъ, въ которомъ жилъ.
А.В.Суворовъ.

имъ лично посаженнымъ, на берегу озера Каменскаго, и вновь выстроенною деревянною церковью подаренъ княземъ Александромъ Аркадьевичемъ Суворовымъ въ 1879 г. Новгородскому Губернскому Земству подъ помѣщеніе инвалидовъ, призрѣваемыхъ именемъ его великаго дѣда. Согласуются съ этимъ указаніемъ о юношеской жизни Суворова лишь біографическіе очерки Булгарина и Новаковскаго. Прочіе наши писатели о Суворовѣ указываютъ мѣстомъ его рожденія Москву, или Шведскую финляндію.

Позднѣйшія научныя изслѣдованія по этому вопросу не разрѣшили спора, доказавъ лишъ, что село Кончанское Боровичскаго уѣзда не могло быть родиною Суворова, такъ какъ въ 1730 году оно было вотчиною Новгородскаго помѣщика Косьмы Васильевича Румянцева и куплено отцемъ генералисимуса въ 1763 году отъ генералъ поручика Ивана Ивановича Шувалова.

Усадьба же Каменка была родовою генералъ-аншефа Василія Ивановича Суворова, пожалованною до 1539 г. его предку Корельскому выходцу Сувору съ сыномъ Назимомъ. Справедливость сего доказывается приведенною Рыбкинымъ изъ дѣлъ Кончанскаго вотчиннаго архива справкою (на стр. 83 и 84. Копія рѣшенія Новгородской палаты гражданскаго суда 1790 г), что сыну генералисимуса князю Аркадію Александровичу достались во владѣніе, кромѣ двухъ волостей въ Шереховскомъ и Сопинскомъ погостахъ Бѣжецкой пятины Боровичскаго уѣзда, т. е. Кончанскаго, купленнаго Василіемъ Ивановичемъ Суворовымъ въ 1763 году у И. И. Шувалова, еще и земли „жалованныя прежь сего Корельскимъ выходцамъ, въ томъ числѣ и „спорныя пустоши *Каменка*, Колоколуша, Овдошово, и проч.“

Ѳ. Булгаринъ, лично видѣвшій Суворова въ бытность свою кадетомъ, былъ большимъ почитателемъ Суворова и для составленія біографіи о немъ могъ пользоваться свѣдѣніями отъ современниковъ генералисимуса. *) Внукъ генералисимуса, Александръ Аркадьевичъ, родившійся черезъ четыре года послѣ смерти своего знаменитаго дѣда, могъ застать въ живыхъ въ своихъ вотчинахъ еще многихъ, помнившихъ юношескіе годы великаго полководца и мѣсто его рожденія. Разсказы дядьки Степана и камердинера Прошки переходили еще изъ устъ въ уста. Благоговѣя предъ памятью своего великаго дѣда, Александръ Аркадьевичъ устроилъ и свою лѣтнюю резиденцію „Але-

*) Суворовъ, соч. Булгарина Спб. 1843 г. на стр. 11. Булгаринъ утверждаетъ, что въ отроческіе годы генералисимусъ воспитывался въ Новгородской деревнѣ своего отца.

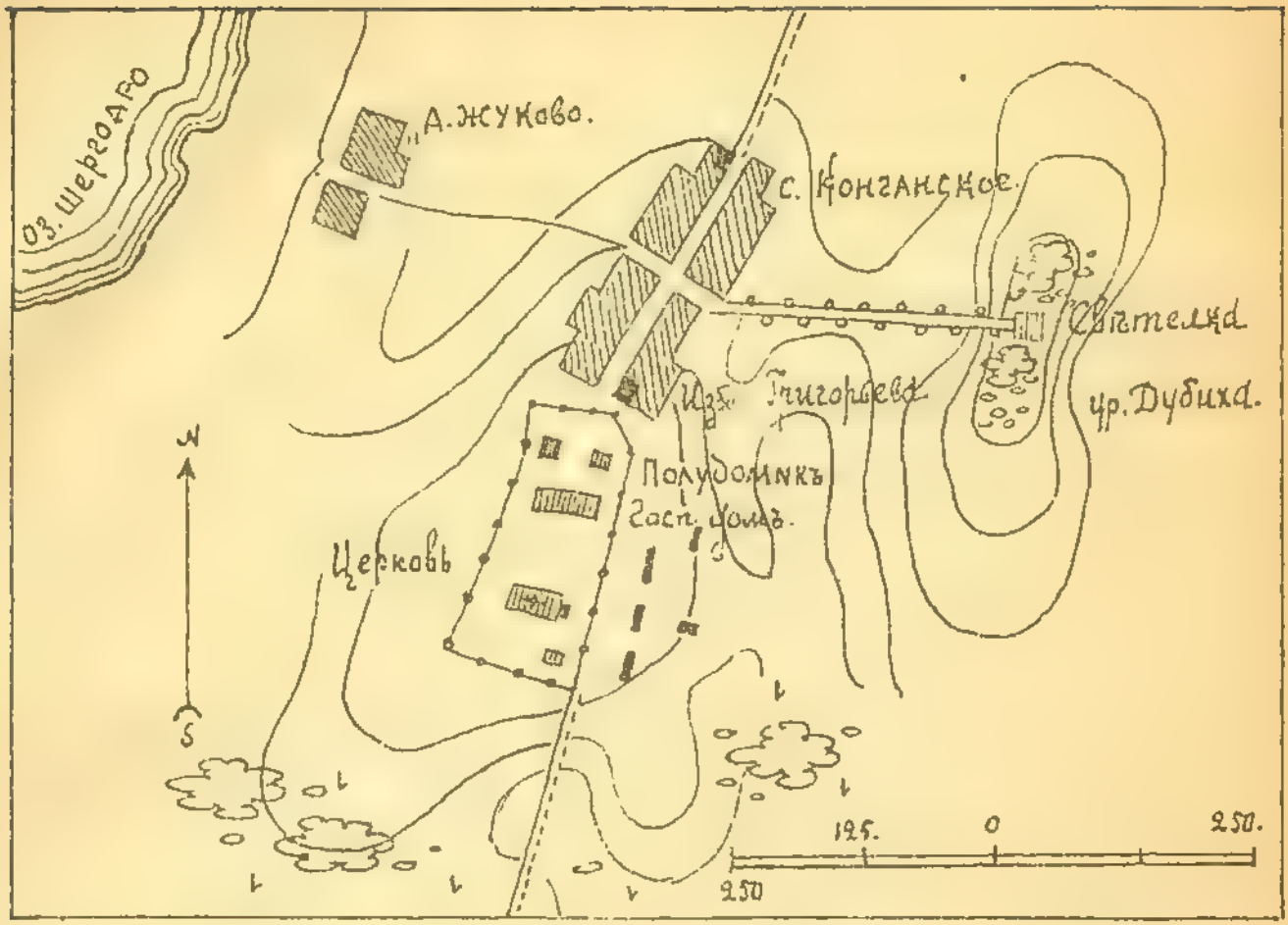
ксандровку“ рядомъ съ Каменкою на мѣстѣ Колоколуши, домъ же въ Каменкѣ, гдѣ родился А. В. Суворовъ, со всею старинною обстановкою онъ назвалъ „Орлинымъ гнѣздомъ“ и, поддерживая неправность этого родового музея отъ разрушенія временемъ, настоялъ на устройствѣ въ немъ инвалиднаго дома, не смотря на постановленіе Губернскаго Земства открыть этотъ домъ въ селѣ Кончанскомъ *). До конца семидесятыхъ годовъ Россія не знала объ историческомъ значеніи Каменки, связывая съ памятью о пребываніи генералисимуса въ Новгородской губерніи лишь село Кончанское, въ которомъ великій полководецъ жилъ трижды: въ декабрѣ 1784 г., въ январѣ и первой половинѣ февраля 1785 г., въ мартѣ и апрѣлѣ 1786 года и съ 5 мая 1797 г. по 7 февраля 1799 г.

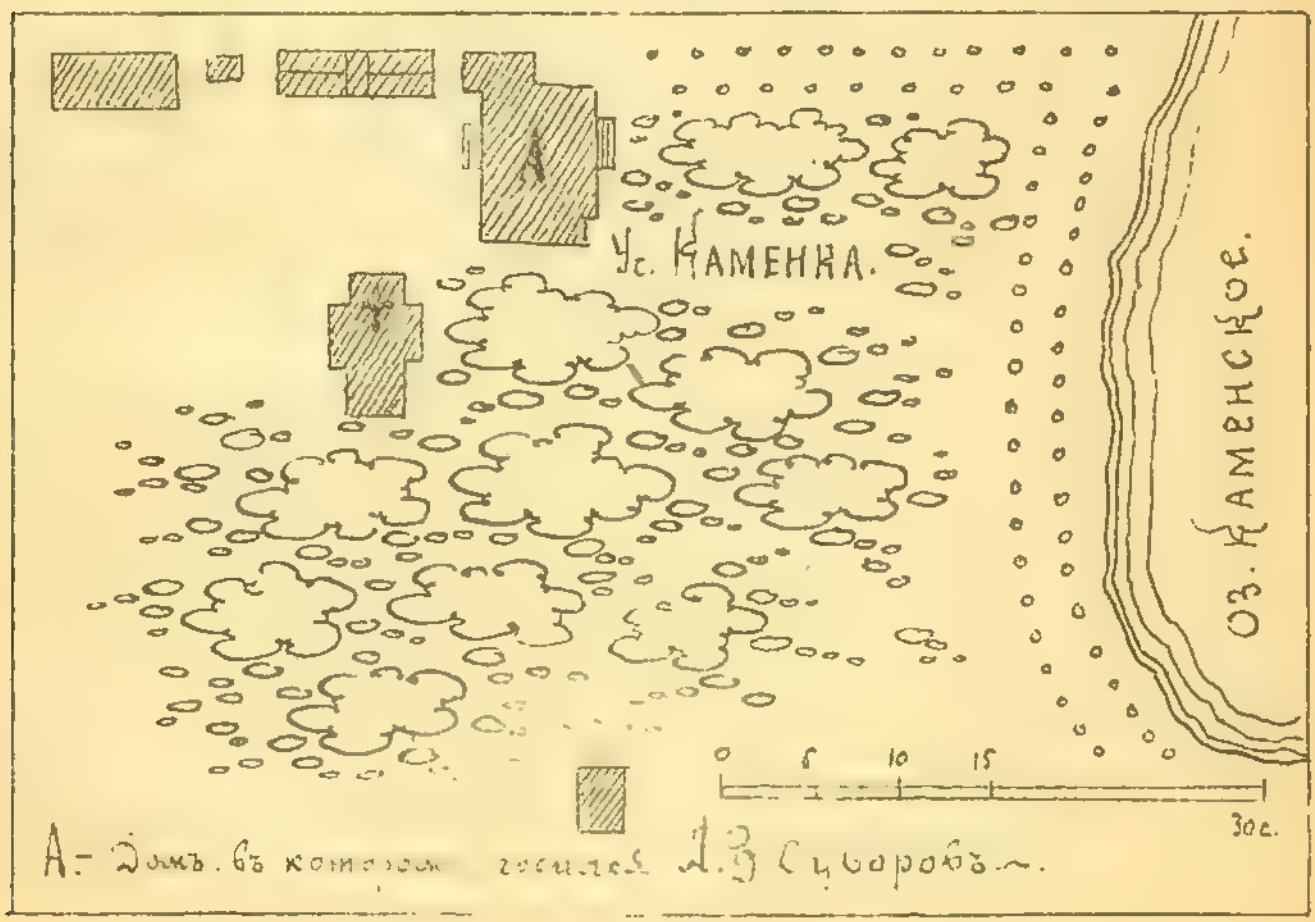
Вопросъ о мѣстѣ рожденія генералисимуса въ нашей литературѣ, не исключая и капитальнѣйшаго труда А. Петрушевскаго, остается открытымъ.

И. М. Снегиревъ (Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Москва 1860 г. стр. 123), основываясь на словахъ священника Нечаева, служившаго 55 лѣтъ при московской церкви Св. Ѳеодора Студита у Никитскихъ воротъ, указываетъ на погребеніе родителей генералисимуса въ оградѣ этой церкви, гдѣ крещенъ и сынъ ихъ Александръ Васильевичъ, родившійся 13-го ноября 1729 года. Спустя 18 лѣтъ послѣ напечатанія этого извѣстія, родной внукъ генералисимуса Александръ Аркадьевичъ Суворовъ оффиціально опровергъ сдѣланное Снегиревымъ указаніе въ своемъ письмѣ отъ 16 іюля 1878 г.

Г. Симанскій въ замѣткѣ своей, напечатанной въ № 1 Русскаго Инвалида 1900 г., придавая вѣру указанію Снегирева, ссылается на книгу Рыбкина: Генералисимусъ Суворовъ, жизнь его въ своихъ вотчинахъ. Москва 1874 г. стран. 82—84, какъ на доказательство самого Суворова о невозможности считать мѣстомъ его рожденія усадьбу Каменку, на письмо его отъ 30-го іюля 1784 г. къ управляющему имѣніемъ Степану Матвѣевичу Кузнецову, въ которомъ между прочимъ упомянуто „что въ Новгородскихъ деревняхъ онъ никогда не бывалъ“. Не слѣдуетъ ли подъ этимъ выраженіемъ понимать, что сдѣлавшись ихъ владѣльцемъ по смерти Василія Ивановича, онъ до 1784 года своего хозяйскаго осмотра ихъ не дѣлалъ. Послѣднее предположеніе

*) См. оффиціальное письмо князя А. А. Суворова-Рымникскаго отъ 16 Іюля 1878 г. на имя предсѣд. губ. зем. управы. Дѣла губерн. зем. упр. 1871 г. № 61 и 1879 г. №№ 1 и 18.





А.- Домъ, въ которомъ [illegible] А. В. Суворовъ.

не исключаетъ возможности жизни его въ отроческихъ годахъ въ родовой усадьбѣ Каменкѣ, считавшейся въ 1790 году, по опредѣленію Новгородской палаты гражданскаго суда дошедшею по наслѣдству, „какъ жалованная корельскимъ выходцамъ прежъ сего“, т. е. до покупки Кончанскаго Василіемъ Ивановичемъ. То обстоятельство, что Каменка названа пустошью еще не доказываетъ, что въ ней не было усадьбы во время рожденія генералиссимуса, ибо оффиціальные акты всегда сохраняютъ первоначальное названіе земельнаго владѣнія, а при пожалованіи земли корельскимъ выходцамъ она была несомнѣнно пустошью, т. е. пикѣмъ не занятою подъ усадьбу. Затѣмъ названіе Каменки *спорною* объясняется тѣмъ, что эта усадьба, какъ родовая, принадлежала кромѣ Василія Ивановича и брату его капитанъ-поручику Александру Ивановичу Суворову, у котораго его долю Василій Ивановичъ могъ выкупить или обмѣнять. Родовая усадьба была заброшена и домъ, въ которомъ родился Суворовъ, оставался безъ ремонта долгое время. Когда въ 1797 году въ іюлѣ къ Суворову наѣхало много гостей, которыхъ негдѣ было размѣстить, Суворовъ поѣхалъ въ свое родовое гнѣздо Каменку, 45 верстъ отъ Кончанскаго, но по осмотрѣ его, вернулся черезъ 2 дня разочарованный, домъ въ Каменкѣ былъ развалиной. (А. Петрушевскій. Генерал. Суворовъ, т. II, страница 365).

Бартеневъ (Русскій Архивъ 1866 г. № 7 стр. 929) при изданіи семейной переписи генералиссимуса, въ предисловіи къ ней между прочимъ упоминаетъ, что нашъ геніальный полководецъ провелъ свои юношескіе годы въ Москвѣ подъ надзоромъ своего роднаго дяди протоіерея Благовѣщенскаго кремлевскаго собора Ивана Ивановича Суворова *). Отсюда явилась привычка пѣть на клиросѣ и строгое до конца жизни соблюденіе уставовъ церкви.

Извѣстный англійскій писатель Клинтонъ, большой почитатель Суворова, выразился, что личность нашего геніальнаго полководца въ глазахъ иностранцевъ остается непрочтеннымъ іероглифомъ, вызывающимъ всеобщее удивленіе и похвалу его колоссальнымъ подвигамъ. Современные ему иностранцы не знали путей пріуготовленія его къ этимъ подвигамъ и имъ простительно недоумѣвающее удивленіе, такъ какъ по обычаямъ ихъ страны всякая историческая личность была объектомъ изслѣдованія отечественными историками каждаго шага жизни, оставившаго слѣдъ въ исторіи своей страны, хотя и менѣе

*) Протоіерей Иванъ Ивановичъ ошибочно названъ Бартеневымъ роднымъ дѣдомъ генералиссимуса.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЛЕНИНА С.С.С.Р.

яркій по сравненію съ Суворовымъ. Тѣмъ грустнѣе для насъ, спорящихъ о мѣстѣ рожденія нашего великаго полководца на рубежѣ цѣлаго столѣтія, истекающаго со времени его кончины.

Нравственный обликъ Суворова.

Многочисленныя біографіи его не даютъ намъ отвѣта, гдѣ и какъ воспитался нашъ геніальный самородокъ и на чемъ именно возросъ его исполинскій духъ. Историки представляютъ намъ его, подобно сказочнымъ богатырямъ, сразу великимъ, упоминая вскользь о его любви къ самообразованію. Благодаря врожденной любознательности, онъ въ дѣтскіе свои годы читалъ все безъ разбора, не исключая военной исторіи и классиковъ. За неимѣніемъ доказательствъ противнаго повѣримъ имъ на слово. Нашъ великій землякъ Новгородецъ, основательно знакомый съ дѣлами давно минувшихъ лѣтъ Новгородскихъ ушкуйниковъ и колонизаторовъ окраинъ Великой Руси, въ цѣломъ рядѣ прославившихъ его подвиговъ, является, къ гордости нашей, истымъ русскимъ чудо-богатыремъ—творцемъ науки побѣждать. Заимствуя у иностранцевъ все полезное, онъ стремился къ намѣченной цѣли по своему, въ русскомъ духѣ, имѣя для себя образцами древнихъ Новгородскихъ ушкуйниковъ, чѣмъ и внушилъ своимъ соратникамъ безотчетную вѣру и любовь къ своему предводителю. Никто ярче него не подчеркнулъ въ военномъ дѣлѣ двухъ преобладающихъ его сторонъ: матеріальной и моральной. Рать, какъ масса физической силы, соединяя людей одаренныхъ умомъ и сердцемъ, должна перестать быть машиною въ рукахъ своего предводителя. Онъ, по образцамъ древнихъ дружинъ, первый постигъ тайну повелѣвать массами, въ умѣньѣ владѣть человѣкомъ, путемъ привязанности къ себѣ войска, и своею нравственною властью надъ нимъ подкрѣплять власть условную, вытекающую изъ іерархическаго положенія начальника. Творцу подобной науки, кромѣ обычнаго опыта, нужны еще многія врожденныя свойства характера и въ особенности глубокое знаніе сердца человѣческаго. Моральная сторона военнаго искусства гораздо труднѣе стороны матеріальной, могущей быть довольно легко изученной и усвоенной соединеніемъ теоріи съ практикой. Суворовъ на много лѣтъ опередилъ Шопенгауэра въ его теоріи, что человѣческое тѣло является результатомъ волевого напряженія духа и потому въ теченіе всей своей

жизни, естественно, должно подчиняться самымъ разнообразнымъ вліяніямъ на душу волевого напряженія духа окружающей среды, или кого либо болѣе сильнаго духомъ. Въ наше время никого не удивляетъ сила воздѣйствія воображенія на физическую природу человѣка, но явленіе на исторической аренѣ лица во всеоружіи знанія, столѣтіе тому назадъ, стяжало ему кличку іероглифа даже среди почитателей. Метафизическое внушеніе нашего великаго сердцевѣда силою его исполинскаго духа превращало сѣрепькаго простолюдина въ чудо-богатыря. Волевыя усилія, вызванныя духовною дѣятельностію вождя, будучи умѣло переданы массѣ близкихъ ему по духу воиновъ, и совершили тѣ величайшіе подвиги, которые доставили Суворову всемірную извѣстность геніальнаго полководца, и онъ въ этомъ отношеніи не представляетъ исключенія. Исторія убѣждаетъ, что всѣ великіе полководцы именно отличались искусствомъ владѣть людьми и привязывать ихъ къ себѣ. Во всемъ прочемъ Суворовъ былъ однако оригиналенъ и чисто въ русскомъ духѣ. Обладая весьма тонкимъ умомъ и обширными знаніями пользъ и нуждъ своего отечества, онъ не чуждъ былъ и славолюбія, двигавшаго его духомъ. Въ тысячелѣтней русской исторіи не найдется другого человѣка, болѣе Суворова самоотверженно посвятившаго всю свою жизнь пользѣ службы во славу Царя и войска и на благо отечеству. Всѣ его жизнеописатели на протяженіи минувшаго столѣтія дружнымъ хоромъ свидѣтельствуютъ, что онъ былъ самый безкорыстный, вѣрный сынъ отечества, преданный церкви и Престолу, дѣятельный, отважный, воинственный, славолюбивый, умный, добрый, проницательный и, не смотря на жестокое ремесло закаленнаго воина,—сострадательный до самозабвенія въ духѣ евангельскаго ученія. Необычайная отвага вождя и благородное презрѣніе къ смерти всегда благотворно дѣйствуютъ на возбужденіе подобной же отваги и у войска, хотя бы состоящаго изъ особей съ менѣе сильнымъ духомъ.

Продолжительная служба Суворова въ нижнихъ чинахъ дала ему возможность узнать не изъ книгъ только, а путемъ практическаго ознакомленія, культъ нашего солдата во всѣхъ стадіяхъ его домашней жизни, и открыть таящееся въ его душѣ стремленіе ко всему великому, героическому, на почвѣ славянскаго эпоса. Въ нашей военной исторіи Суворовъ не имѣетъ себѣ подобнаго, кто бы съумѣлъ такъ мастерски использовать всѣ моральныя и матеріальныя силы нашего войска.

Примѣняя къ оцѣнкѣ подвиговъ генія масштабъ Шопенгауера, нельзя отрицать, что Суворовъ былъ одаренъ двойственнымъ интел-

лектомъ: однимъ для себя, для служенія волѣ, другимъ—для міра, воспринимаемаго имъ чисто объективно. Военный геній Суворова оставилъ человѣчеству величайшія поученія, но истекло цѣлое столѣтіе прежде, чѣмъ онъ былъ узнанъ и признанъ. Человѣческая тупость и зависть какъ не затемняли его талантовъ, завѣты его генія, какъ откровеніе высшаго существа, дошли до потомства въ полномъ своемъ блескѣ и, къ гордости русскихъ, начинаютъ оцѣниваться по достоинству, кромѣ соотечественниковъ, и военными учеными мыслителями всѣхъ странъ и народовъ. Ученый—это тотъ, кто много учился, геній—тотъ, отъ кого человѣчество научается тому, чему онъ ни отъ кого не учился. Оригинальный геній Суворова свѣтитъ въ нашей военной исторіи своимъ собственнымъ свѣтомъ, тогда какъ другіе геніальные полководцы всемірной военной исторіи только отражаютъ заимствованный свѣтъ.

Примѣръ западныхъ народовъ, свято сохраняющихъ все, что связано съ именемъ ихъ геніальныхъ соотечественниковъ, (Домъ Петрарки въ Аркѣ; темница Торквато-Тассо въ Феррарѣ, домъ Шекспира въ Стратфордѣ, домъ Гете въ Веймарѣ и проч.), ужели не возбудитъ въ Новгородцахъ такого же старательнаго сохраненія и почитанія оставленныхъ намъ великимъ Суворовымъ памятниковъ его бытія въ Каменкѣ и Кончанскомъ?

Не забудемъ словъ Гете, говорившаго устами Торквато-Тассо:

Вѣнецъ лавровый, гдѣ бъ онъ ни являлся,
Скорѣй есть знакъ страданья, нежели счастья.

Славенъ былъ земной путь Суворова, но и тернистъ. Быть счастливыми въ земной жизни не есть удѣлъ великихъ людей; будемъ же мы справедливы къ нему за гробомъ и почтимъ пяди земли, бывшія нѣкогда подъ его стопами.

Служебная дѣятельность Суворова.

Хвала достойная побѣдъ твоихъ Суворовъ
И честь твоимъ дѣламъ превыше всѣхъ честей.
Ермилъ Костровъ.

Съ юныхъ лѣтъ Суворовъ пріучался къ солдатской жизни, заимствуя спартанскія привычки. Онъ не былъ, подобно другимъ дворянскимъ дѣтямъ своего вѣка, еще въ колыбели записанъ въ полкъ. Отецъ

Io Son nato 1730 il 13 Novembre

1. Soldato. 1742 il [illegible]

2. Caporale 1747 il 25. Aprile

3. [illegible] 1749. il 22 Dezembre

4. Sergeanto 1751. il 8 Giugno

5. Luogotenente 1754. il 25 Aprile

Granitalstvo dei Provisione 1756. il 17 Jennero

Generale Audi-tore mayo tenant 1756 il 28. Novembre

Maggiore primo 1756 il 4 Dezembre

[illegible]

Симеонъ Степановъ Пишчевичъ

не предназначалъ его къ военной службѣ. Особое влеченіе юноши къ военной службѣ и совѣтъ генерала Аннибала склонили отца перемѣнить свое намѣреніе о подготовленіи юнаго Александра Васильевича къ службѣ гражданской. Запись его въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ послѣдовала лишь на 12 году отъ рожденія, а съ пятнадцатилѣтняго возраста онъ началъ нести дѣйствительную службу въ этомъ полку, начиная съ рядового.

Съ первыхъ шаговъ службы своимъ рвеніемъ, старательнымъ ея изученіемъ и уваженіемъ къ товарищамъ молодой Суворовъ снискалъ къ себѣ любовь солдатъ и похвалу начальства. Твердо усвоивъ дисциплину, былъ примѣрнымъ ея исполнителемъ и строго требовалъ того же отъ своихъ подчиненныхъ. Досуги своей солдатской службы онъ употреблялъ на расширеніе своего образованія, самаго могущественнаго фактора въ жизни, открывающаго пути къ избранной цѣли и дающаго всѣ средства къ достиженію ея. Къ двадцатилѣтнему возрасту онъ успѣлъ ознакомиться съ Плутархомъ, Корнеліемъ Непотомъ, съ дѣятельностью Александра Македонскаго, Цезаря, Аннибала, съ дѣяніями полководцевъ: Монтекукули, Карла XII, Тюреня, Конде, Евгенія и другихъ; съ исторіею и географіею по Гюбнеру и Роллену, съ философіею по Лейбницу и Вольфу. Изученіе новыхъ языковъ дало ему способъ пополнить свое общее образованіе путемъ чтенія иностранной литературы, въ ряду которой преобладали энциклопедическія знанія. Продолжительность (9 лѣтъ) заправской солдатской службы открыла ему драгоцѣннѣйшія качества души нашего солдата-простолюдина и онъ такъ искренно полюбилъ его, такъ задушевно привязался къ нему, что съ восхищеніемъ на всю свою жизнь остался вѣренъ солдатскому режиму. Солдатскіе интересы, тяготы, скорби, нужды, такъ сказать ихъ смѣхъ и горе, — навсегда остались близкими его сердцу. Будучи произведенъ въ офицеры 25-го апрѣля 1754 года, онъ такъ скоро выдѣлился своею образованностью и дѣловитостью изъ среды прочихъ офицеровъ, что 17 января 1756 года былъ уже назначенъ въ Новгородъ оберъ-провіантмейстеромъ. Окончивъ съ быстротою возложенное на него порученіе, онъ 28 октября того же 1756 года былъ переведенъ изъ Новгорода въ Петербургъ на должность генералъ-аудиторъ-лейтенанта при Военной Коллегіи. 4-го декабря 1756 года былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры, т. е. черезъ четыре года службы въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Въ 1759 году мы видимъ Суворова въ чинѣ подполковника, въ роли начальника корпуснаго штаба, въ корпусѣ, дѣйствовавшемъ въ Пруссіи подъ начальствомъ генералъ-аншефа графа Фермора.

Въ августѣ 1759 года Суворовъ получилъ первое боевое крещеніе въ жесточайшемъ сраженіи при Кунерсдорфѣ. Послѣ нанесеннаго русскими полками пораженія войскамъ Прусскаго Короля Фридриха Великаго, Суворовъ выразился, что будь онъ на мѣстѣ главнокомандующаго генерала Салтыкова, сейчасъ же двинулся бы на Берлинъ, чего дѣйствительно и опасался Фридрихъ Великій, но къ счастью Пруссаковъ, удобный моментъ былъ упущенъ и семилѣтняя война окончилась, благодаря этой стратегической ошибкѣ, совершенно безцвѣтно. Лично Суворову эта война дала возможность проявить свои блестящія военныя способности. Предводительствуя летучими кавалерійскими отрядами, съ сентября 1761 года, онъ геройски занялъ прусскій городъ Гольнау, будучи дважды раненъ въ бою подъ его стѣнами, затѣмъ успѣшно дрался съ войсками Платена у Кольберга, который 16-го декабря 1761 года сдался нашимъ войскамъ.

Прославленный этою войною 26-го августа 1762 года Суворовъ, съ производствомъ въ полковники, получилъ въ командованіе, сначала Астрахапскій, а затѣмъ вскорѣ Суздальскій пѣхотный полкъ. Съ осени 1764 г. этотъ полкъ квартировалъ въ г. Новой Ладогѣ, гдѣ ни что не мѣшало Суворову обучать его военному дѣлу по своему. Лѣтомъ слѣдующаго 1765 года, на маневрахъ подъ Краснымъ Селомъ, Суздальскій полкъ выдѣлился среди другихъ своею подвижностію и быстротою, обративъ на себя и на его лихого командира вниманіе Великой Императрицы и Государя Наслѣдника. Возвратясь изъ подъ Краснаго Села въ Ладогу, онъ, въ теченіе трехлѣтней стоянки съ полкомъ въ этомъ городѣ, выстроилъ церковь, зданіе полковой школы, насадилъ при ней садъ, составилъ учебники ариѳметики, молитвъ и катихизиса и даже самъ преподавалъ въ учрежденной имъ для офицерскихъ дѣтей школѣ. Составленное имъ тогда же для обученія полка суздальское учрежденіе по своей программѣ (учить только тому, что нужно на войнѣ) считается образцевымъ до настоящаго времени.

22-го сентября 1768 года, по производствѣ его въ бригадиры, онъ предназначенъ дѣйствовать противъ польскихъ конфедератовъ. Въ ноябрѣ онъ выступилъ въ Смоленскъ, совершивъ 850 верстъ въ 30 дней по распутицѣ, имѣя всего 6 больныхъ въ цѣломъ полку. Здѣсь до весны 1769 года онъ обучалъ полки своей бригады и, будучи вытребованъ въ Варшаву, прошелъ 600 верстъ въ 12 дней безъ отсталыхъ и больныхъ. Въ августѣ 1769 года рекогносцировкою окрестностей Варшавы онъ обнаружилъ силы банды Котлубовскаго, разсѣялъ ее и затѣмъ двинулся къ Бресту, гдѣ собрались конфеде-

раты подъ предводительствомъ братьевъ Пулавскихъ у деревни Орѣхова. По уничтоженіи отряда Пулавскихъ, въ 2000 человѣкъ, отъ Орѣхова Суворовъ двинулся къ Люблину, разсѣивая мелкіе отряды конфедератовъ вплоть до Австрійской границы.

1-го января 1770 г. онъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Систематическій разгромъ бандъ Суворовымъ разстроилъ конфедератовъ, но присылка на помощь имъ Франціей искуснаго генерала Дюмурье съ французскими волонтерами подбодрили конфедератовъ, большія скопища коихъ въ ночь на 18-е апрѣля 1771 года отбросили малочисленныя русскія войска за Вислу. Суворовъ двинулся изъ Люблина на выручку своихъ къ Кракову, недоходя до котораго 28 верстъ, Суворовъ напалъ на конфедератовъ у мѣстечка Ланцкороны. Три его атаки на замокъ были отбиты и, уступая превосходству силъ непріятеля, Суворовъ въ порядкѣ отошелъ къ Люблину. Получивъ подкрѣпленія Суворовъ 10 мая опять уже былъ подъ Краковымъ и какъ ураганъ налетѣлъ на Ланцкорону. Поляки были разбиты на голову, одинъ Дюмурье съ отрядомъ французовъ отступилъ въ порядкѣ и вскорѣ навсегда уѣхалъ во Францію. Оставалось сокрушить отрядъ Пулавскаго, который и былъ настигнутъ Суворовымъ подъ Залѣсьемъ 22-го мая. Самъ Пулавскій счастливо укрылся къ Венгерской границѣ, потерявъ въ бою съ Суворовымъ много конфедератовъ. Пулавскій при отступленіи такъ искусно маневрировалъ, что Суворовъ, восхищенный его ловкостью, послалъ ему въ даръ свою табакерку.

13 сентября Суворовъ бился у Столовичей, гдѣ разбилъ отрядъ Литовскаго гетмана Огинскаго. Прибывшій изъ Франціи, на смѣну Дюмурье, Віоменилъ, хитростію проникъ въ занятый русскими Краковскій замокъ.

29 января 1772 г. Суворовъ осадилъ Краковскій замокъ, который сдался ему на капитуляцію 15 апрѣля. Результатомъ его побѣдъ въ Польшѣ послѣдовалъ первый раздѣлъ ея владѣній между Россіей, Австріей и Пруссіей.

По возвращеніи Суворова въ Петербургъ онъ въ февралѣ 1773 г. былъ посланъ въ Финляндію для осмотра границы съ Швеціей и тайнаго вывѣдыванія настроенія тамошняго населенія, отсюда онъ отправился въ дѣйствующую армію въ Турціи подъ начальство графа П. А. Румянцева.

Въ ночь съ 8 на 9 мая 1773 г. Суворовъ уже сдѣлалъ поискъ на Туртукай и рекогносцировку турецкихъ силъ. Въ ночь съ 16 на 17 іюня онъ произвелъ нападеніе на Туртукай, и несмотря на

неравенство силъ, одержалъ надъ турками полную побѣду: полторы тысячи турокъ легло на мѣстѣ, при потерѣ съ нашей стороны 200 человѣкъ убитыми и ранеными. Самъ Суворовъ осколками разорвавшейся турецкой пушки былъ раненъ въ этомъ бою въ правую ногу.

3 сентября онъ одержалъ побѣду надъ турками подъ Гирсовымъ. Трехтысячный отрядъ русскихъ гналъ 12000 турокъ 30 верстъ отъ берега Дуная. Послѣ этого пораженія турокъ наступило бездѣйствіе съ обоихъ сторонъ. Наскучивъ безъ дѣла, къ Рождеству Суворовъ уѣхалъ въ отпускъ въ Москву, гдѣ и женился въ началѣ 1774 г. на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Прозоровской. Въ концѣ февраля 1774 г. Суворовъ вернулся въ дѣйствующую армію. 9 іюня онъ атаковалъ въ четверо сильнѣйшаго непріятеля у Козлуджи, турки бѣжали, оставивъ Суворову свой лагерь, 29 орудій и 107 знаменъ. Этой побѣдой пріобрѣтенъ миръ съ Турціей 10 іюля 1774 г.

По окончаніи Турецкой войны Суворовъ вызванъ въ Россію для усмиренія мятежныхъ скопищъ Пугачева. Съ невѣроятной быстротой Суворовъ прошелъ 600 верстъ по степи въ 9 дней, всюду разсѣивая шайки мятежниковъ. 16 сентября онъ былъ уже въ Яицкѣ (Уральскѣ), гдѣ и принялъ пойманнаго Пугачева, котораго онъ подъ личнымъ надзоромъ свезъ въ Симбирскъ. Опустошенная мятежемъ восточная полоса Россіи нуждалась для своего умиротворенія въ такомъ рѣшительномъ и неутомимомъ начальникѣ, какимъ былъ Суворовъ. Къ веснѣ 1775 года всѣ мятежники переловлены, Пугачевъ казненъ въ Москвѣ, волненія башкиръ и киргизъ прекращены и Суворовъ могъ вернуться къ своей семьѣ.

Въ августѣ 1775 г. у него родилась дочь Наталія—его любимица Суворочка. Въ ноябрѣ 1776 г. онъ отправился на службу въ Крымъ, гдѣ пробылъ до іюня 1777 г. Въ январѣ 1778 года Суворовъ былъ командиромъ отдѣльнаго Кубанскаго корпуса и построилъ массу укрѣпленій для русскихъ войскъ на сѣверномъ кавказѣ. Въ апрѣлѣ того же года власть его расширена и на Крымъ, гдѣ онъ смѣнилъ своего бывшаго начальника князя Прозоровскаго; съ присущею ему необычайною дѣятельностію, онъ принялся за присоединеніе Крыма къ Россіи, путемъ его колонизаціи русскими и переселенія изъ него грековъ на Бугъ, а армянъ въ Ростовъ на Дону (Нахичевань).

Въ іюлѣ 1778 года Суворовъ получилъ въ команду войска Малороссійской дивизіи и переѣхалъ изъ Крыма въ Полтаву къ своему семейству, но въ январѣ 1780 г. онъ назначенъ начальникомъ войскъ

въ Астрахани съ правами генералъ-губернатора области, кромѣ города Астрахани, который оставался въ вѣдѣніи губернатора. Ограниченіе это его тяготило и спустя два года онъ переведенъ начальникомъ войскъ Казанской дивизіи, откуда въ концѣ августа 1782 г. онъ снова назначенъ командующимъ войсками въ Крымъ; тамъ возникли замѣшательства между татарами по проискамъ Турціи. На пути слѣдованія къ мѣсту этого назначенія Суворовъ получилъ повелѣніе командовать войсками на Кубани и привести въ покорность Россіи Ногайскихъ татаръ, что онъ и исполнилъ со свойственнымъ ему умѣньемъ и тактомъ. Степняки были умиротворены, а Крымъ добровольно принялъ подданство Россіи. Послѣ 4-хъ лѣтъ своей плодотворной дѣятельности на югѣ, Суворовъ былъ назначенъ въ 1784 г. начальникомъ войскъ Владимірской, а въ 1785 г. Петербургской дивизій. Въ слѣдующемъ году, по производствѣ въ полные генералы, онъ назначенъ командиромъ Екатеринославскаго корпуса и въ проѣздъ Императрицы Екатерины чрезъ Кременчугъ былъ очень обласканъ Монархинею за отличное состояніе представленныхъ Ея Величеству войскъ корпуса.

13 августа 1787 г. объявлена такъ называемая вторая турецкая война. Первое нападеніе турокъ послѣдовало на Крымъ. Суворовъ былъ уже съ своимъ корпусомъ у Кинбурна, подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала князя Потемкина. 29 сентября турки въ числѣ 6000 чел. высадились на Кинбурнскую косу: съ 3-хъ часовъ этого дня и весь слѣдующій день атаки ихъ не прекращались и при отбитіи одной изъ нихъ Суворовъ былъ раненъ въ лѣвый бокъ картечью.

Выбытіе изъ строя вождя повело къ отступленію нашихъ войскъ въ крѣпость и потерѣ полковой артиллеріи. Оправившись немного отъ раны, Суворовъ не утратилъ увѣренности въ побѣдѣ и 1 октября ударилъ на турокъ съ такой стремительностію, что почти всѣ они легли на мѣстѣ, или утопули въ морѣ; на судахъ ихъ спаслось около 700 человѣкъ, но за то и Суворовъ, лично руководившій боемъ въ первыхъ рядахъ, снова былъ раненъ ружейною пулею въ руку на вылетъ. Онъ смочилъ рану морскою водою, перевязалъ ее и не покинулъ строя до конца боя. Здѣсь же онъ былъ спасенъ гренадеромъ Новиковымъ отъ опасности быть изрубленнымъ турецкимъ всадникомъ. Послѣ нанесеннаго туркамъ пораженія они не предпринимали ничего серьезнаго до лѣта 1788 г. 27 іюля осажденные въ Очаковѣ турки сдѣлали вылазку, какъ разъ на войска Суворова, завязалось большое

сраженіе и когда бой началъ клониться въ пользу русскихъ, Суворовъ, любившій руководить боемъ лично, былъ раненъ пулею въ шею. Опасная эта рана вывела Суворова изъ строя и это обстоятельство затянуло паденіе Очакова до 6 декабря, когда онъ былъ взятъ штурмомъ, уже въ отсутствіи Суворова, все еще страдавшаго отъ тяжелой шейной раны. Оправившись отъ ранъ 25 апрѣля 1789 года, Суворовъ отправился къ своей дивизіи, стоявшей между р. Прутомъ и Серетомъ. 19 іюля Суворовъ, вмѣстѣ съ австрійскимъ корпусомъ подъ начальствомъ принца Кобургскаго, напалъ на турецкій корпусъ Османа Паши при Фокшанахъ. Бой длился 10 часовъ сряду и окончился полнымъ пораженіемъ турокъ. Послѣ этого пораженія турки долго собирали свои силы для отпора, и когда собрались въ числѣ 115000 чел. подъ начальствомъ великаго визиря, то 11 сентября вновь были атакованы Суворовымъ совмѣстно съ принцемъ Кобургскимъ, бой длился отъ восхода солнца до наступленія темноты и окончился безпримѣрнымъ пораженіемъ турокъ; это былъ образцовѣйшій и блестящій примѣръ побѣды не числомъ, а духомъ арміи, такъ какъ въ этомъ сраженіи союзниковъ было всего 25000 чел. Турки потеряли 15000 убитыми, 108 знаменъ, 80 орудій и четыре турецкихъ лагеря со всѣмъ ихъ скарбомъ и обозами. Побѣдитель награжденъ титуломъ графа Россійской и Римской имперіи, съ прозваніемъ Рымникскаго, по имени рѣки, на берегахъ которой эта побѣда была одержана.

Послѣ разсѣянія полевыхъ турецкихъ войскъ наступилъ періодъ бездѣйствія съ обоихъ сторонъ. Бендеры, Килія, Тульча, Исакча были осаждены русскими и сдались безъ боя, подъ вліяніемъ паники, наганной на нихъ Суворовымъ. Не сдавался лишь Измаилъ съ своимъ 35000 гарнизономъ. 2 декабря 1790 года подступилъ къ нему Суворовъ и 11 декабря Измаилъ былъ взятъ штурмомъ. Бой былъ безпримѣрный по кровопролитію и самъ Суворовъ послѣ побѣды выразился, при необыкновенной силѣ его духа и мужества, что на такой штурмъ можно рѣшиться только одинъ разъ въ жизни. Турки потеряли 26000 убитыми, 2000 ранеными, 7000 плѣнными, 265 орудій, 364 знамени; съ нашей стороны 4000 убито и 6000 ранено.

Съ такимъ блескомъ окончилось участіе Суворова во второй Турецкой войнѣ, ознаменованное выбитіемъ особой медали въ честь его побѣдъ.

25 го апрѣля 1791 года онъ вторично осматривалъ шведскую границу со стороны Финляндіи и приступилъ къ постройкѣ укрѣп-

леній. Уроки инженернаго искусства, данные Василіемъ Ивановичемъ Суворовымъ своему сыну, теперь пригодились. Окончивъ укрѣпленіе Финляндіи 10-го ноября 1792, онъ назначенъ главнымъ начальникомъ Крымскихъ войскъ вмѣсто умершаго Потемкина. Усиливъ Черноморское побережье укрѣпленіями и окончивъ благоустройство войскъ, тамъ расположенныхъ, 14 августа 1794 года онъ двинулся съ своимъ корпусомъ въ Польшу. Первымъ дѣломъ Суворова въ Польшѣ было уничтоженіе 15000 корпуса Сѣраковскаго. Побѣды Суворова подъ Крупчицами и Брестомъ вызвали панику между поляками. Вскорѣ Косціушка съ 12000 польскихъ войскъ былъ разбитъ генераломъ Ферзеномъ подъ Маціевицами, при чемъ раненый Косціушко не избѣжалъ плѣна. Суворовъ выступилъ изъ Бреста къ Варшавѣ и 15-го октября настигъ поляковъ у Кобылки, отнялъ 9 орудій, 1 знамя и 1073 человѣка плѣнныхъ. 24-го октября Суворовъ взялъ штурмомъ Прагу. Поляки потеряли 13340 убитыхъ, 12860 плѣнныхъ и 104 орудія. Эта побѣда стоила намъ 1500 чел. убитыми. 25-го октября сдалась Суворову на капитуляцію и Варшава. Послѣ этой важной по политическимъ обстоятельствамъ побѣды Суворовъ награжденъ фельдмаршальскимъ жезломъ, давно имъ заслуженнымъ, но удерживаемымъ завистію Потемкина къ гремѣвшей на весь міръ боевой славѣ Суворова.

Мечъ Суворова поработалъ и въ пользу просвѣщенія родины. Взятая имъ въ Варшавѣ, въ числѣ военной добычи, библіотека Залусскаго, въ числѣ 250000 томовъ, будучи перевезена въ Петербургъ, послужила основаніемъ Императорской Публичной библіотеки, открытой нынѣ для общаго пользованія.

Послѣ умиротворенія Польши Суворовъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ былъ осыпанъ милостями Императрицы, назначившей для его пребыванія дворецъ великолѣпнаго князя Тавриды. Въ половинѣ декабря 1795 года онъ ѣздилъ въ Финляндію для осмотра укрѣпленій на шведской границѣ и къ Рождеству снова вернулся въ столицу. Въ мартѣ 1796 года онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Тульчинъ, назначенный штабъ-квартирою подчиненной ему южной арміи. Здѣсь онъ приступаетъ къ обученію войскъ по своей методѣ и ранѣе выработанныя правила обученія дѣйствіямъ въ бою приводитъ въ систему, объявивъ оффиціально войскамъ составленное имъ руководство подъ названіемъ „Наука побѣждать“, первообразомъ котораго служило его же твореніе подъ названіемъ „Суздальское учрежденіе“. При невозможности искоренить въ людяхъ чувства самосохраненія, его вели-

чайшій военный геній прозрѣлъ, что главною задачею военнаго воспитанія человѣка должно быть пріученіе его не ожидать опасности, что неизбѣжно при оборонѣ, а идти на встрѣчу этой опасности. Не отражать удары, а наносить ихъ. Подъемъ духа до увѣренности въ побѣдѣ совершенно заглушалъ чувства опасности; для практики въ этомъ онъ производилъ при маневрированіяхъ войскъ сквозныя атаки одной стороны на другую.

Развивая въ войскахъ отвагу и упорство, онъ воспитывалъ солдатскія сердца въ самоотверженіи, въ закалкѣ ихъ до притупленія инстинкта самосохраненія, до парализованія впечатлительности ко всякаго рода неожиданностямъ. „Испуганъ,—на половину побѣжденъ“, гласитъ Суворовскій принципъ.

Иностранцы, въ эту эпоху разцвѣта военныхъ талантовъ Суворова, отмѣчаютъ слѣдующія его черты: „Онъ преисполненъ военныхъ дарованій, не подражаетъ правиламъ обыкновенной тактики и стремится открыть путь къ новому военному обороту. Онъ не любитъ сложныхъ маневровъ, а разсчитываетъ на смѣлую и быструю атаку, отчего и прибѣгаетъ къ такимъ средствамъ, какъ штурмъ, или ударъ пѣхоты на кавалерію линіей и кареемъ. Самый выдающійся его недостатокъ—своенравіе, а большое достоинство—во мгновеніе ока узнавать истинное состояніе непріятеля и схватывать слабыя его стороны“. „Что касается до его войскъ, то по твердости, выносливости и послушанію, *русскій солдатъ безспорно первый въ мірѣ.* Русскіе баталіоны обладали твердостію и устойчивостью бастіоновъ“—говоритъ другой иностранецъ.

Въ періодъ мирнаго затишья, когда Суворовъ поглощенъ былъ занятіями по подготовкѣ къ бою ввѣренной ему южной арміи, наступила перемѣна царствованія, а съ нею и перемѣна обученія войскъ на прусскій образецъ, которому старый воякa не сочувствовалъ. Императоръ Павелъ, скорый на милость и гнѣвъ, замѣтивъ медленность въ принятіи нововведеній къ руководству въ арміи Суворова, 7 февраля 1797 г. отставилъ его отъ службы и повелѣлъ жить въ Новгородскихъ вотчинахъ безвыѣздно.

Гнѣвъ государя къ Суворову народная молва относитъ къ клеветамъ на него другого знаменитаго Новгородца—Аракчеева, прославленнаго отрицательною извѣстностію *).

*) Статьи Ратча въ военномъ сборникѣ 1863. №№ 5 и 12, отчасти это подтверждаютъ.

6 февраля 1799 г. флигель-адъютантъ Толбухинъ привезъ собственноручный рескриптъ Государя, призывающій Суворова въ главнокомандующіе союзною Русско-Австрійскою арміею въ Италіи, противъ ненавистныхъ ему французовъ. Мечта его послужить еще славѣ Россіи и побѣдоноснаго ея воинства сбылась. Тяжкія раны, въ связи съ наступившею старостью, какъ будто забыты, фельдмаршалъ на почтовыхъ прилетѣлъ въ Петербургъ, и ласково былъ принятъ Государемъ. Въ концѣ февраля Суворовъ выѣхалъ къ арміи чрезъ Вѣну, гдѣ 15 марта былъ восторженно принятъ Австрійскимъ Императоромъ Францемъ и столичнымъ населеніемъ. Для возвышенія авторитета Суворова надъ подчиненными австрійскими войсками ему пожалованъ чинъ и мундиръ Австрійскаго фельдмаршала.

Первымъ трофеемъ въ Итальянской войнѣ Суворова была Брешіа, французскій гарнизонъ которой 1264 чел., при 46 орудіяхъ, сдался Багратіону и Краю послѣ нѣсколькихъ часовъ артиллерійской канонады, затѣмъ былъ занятъ нашими казаками городъ Бергамо столь стремительно, что отступавшіе французы не успѣли укрыться въ городскую цитадель, оставивъ казакамъ 130 плѣнныхъ, 1 знамя и 19 орудій. 14 апрѣля Суворовъ былъ уже на берегу Адды, въ виду французской арміи Шерера. Перевѣсъ въ силахъ былъ на нашей сторонѣ. Шереръ растянулъ свою 28000 армію почти на 100 верстъ по берегу Адды, вездѣ ожидая переправы союзниковъ.

Послѣ авангарднаго боя 15 апрѣля, съ перемѣннымъ успѣхомъ, 16 апрѣля на разсвѣтѣ Суворовъ переправился чрезъ Адду у Санъ-Джервазіо. Послѣ 12 часового боя французы, подъ начальствомъ новаго ихъ главнокомандующаго Моро, были отброшены отъ пути къ Милану, оставивъ въ рукахъ союзниковъ 2000 плѣнныхъ и 19 орудій; на другой день капитулировалъ отрѣзанный отъ Моро отрядъ Серюрье (250 офицеровъ и 2700 солдатъ, при 8 орудіяхъ).

18 апрѣля, въ 1-й день пасхи, Суворовъ вступилъ въ Миланъ, занятый наканунѣ нашими казаками и Меласомъ. Населеніе Милана вышло за городъ на встрѣчу Суворову и онъ въѣхалъ въ этотъ городъ настоящимъ тріумфаторомъ, при радостныхъ возгласахъ народа; вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Побѣды продолжали сопутствовать Суворову: 1 мая при Баспиньянѣ, 5 мая при Маренго. 15 мая онъ занялъ уже Туринъ, гдѣ населеніе превзошло Миланцевъ въ устроенной ему торжественной встрѣчѣ. Отступленіе французовъ продолжалось до перевѣса въ силахъ надъ союзниками. На помощь Моро спѣшила армія Макдональда, 6 іюня напавшая на австрійцевъ подъ

командою генерала Отто у С.-Джіовани. Суворовъ, не ожидая соединенія Макдональда съ Моро, стремительно бросился на перваго. Прибывъ къ вечеру 6 іюня къ С.-Джіовани, Суворовъ принудилъ Макдональда отступить къ р. Треббіи. Съ утра 7 іюня бой возобновился и продолжался до сумерекъ съ перемѣннымъ счастіемъ, такъ какъ 22000 союзниковъ Макдональдъ противустоялъ съ 35000 французовъ. 8 іюня Суворовъ нанесъ французамъ окончательное пораженіе и Макдональдъ бѣжалъ, а не отступалъ, спасая остатки своей арміи отъ конечнаго истребленія русскими. Въ этомъ трехдневномъ бою русскіе и французы соперничали въ упорствѣ и храбрости. Перевѣсъ побѣды обязанъ резерву въ лицѣ самого Суворова, лично въ первыхъ рядахъ руководившаго боемъ. Австрійцы съ своей стороны дѣлали все для пораженія, до неповиновенія Суворову включительно. Только такой геній полководца, какимъ былъ Суворовъ, не потерлетъ присутствія духа въ подобныхъ обстоятельствахъ. Встрѣтивъ отступавшія войска Розенберга передъ вчетверо сильнѣйшими французами, онъ кричитъ имъ: „заманивайте ребята, заманивайте, шибче.... бѣгомъ“.... и, проѣхавъ съ ними шатовъ 200, командуетъ имъ стой и ведетъ въ атаку на опѣшившихъ французовъ. Когда солдаты ободрились онъ поѣхалъ къ другому нашему флангу. Появленіе въ виду войскъ любимаго чародѣя-начальника прибавляло имъ такую энергію, что французы принимали ихъ за свѣжія прибывшія подкрѣпленія и отступали. Резервъ Меласа, кромѣ кавалеріи, такъ и не былъ использованъ въ критическія минуты боя. Пораженіе французамъ нанесено одними передовыми линіями, онѣ не имѣли другого резерва, кромѣ самого Суворова.

9 іюня, преслѣдуя отступившихъ французовъ, русская колонна подъ начальствомъ Суворова настигла арріергардъ дивизіи Виктора и взяла въ плѣнъ 17 полубригаду. Австрійская же колонна, съ Меласомъ во главѣ, шла столь медленно, что ей достались въ Піаченцѣ лишь 7500 раненыхъ французовъ.

У союзниковъ въ трехдневномъ бою на берегу Треббіи выбыло до 6000 человѣкъ убитыми и ранеными, въ числѣ послѣднихъ были генералы Багратіонъ и Повало-Швейковскій.

Маршалъ Моро, узнавъ о движеніи Суворова къ Треббіи, назвалъ этотъ маршъ верхомъ торжества военнаго искусства.

Въ слѣдующей большой битвѣ съ французами при Нови, 4 августа, Суворовъ выказалъ присущее ему хладнокровіе, памятуя аксіому военнаго искусства объ обезпеченіи побѣды за тѣмъ, кто послѣдній

введетъ въ дѣло сильный резервъ. Бой продолжался съ 9 часовъ утра и, несмотря на чудеса храбрости войскъ Багратіона и Дерфельдена, Суворовъ только въ 5 часовъ послѣ полудня приказалъ Меласу двинуть резервъ въ обходъ праваго фланга французовъ. Убитаго въ сраженіи Жубера замѣнилъ Моро, отчаянное сопротивленіе котораго было сломлено атаками свѣжихъ войскъ Меласа, ибо резервы французовъ были давно уже израсходованы и въ критическій моментъ бой Моро, замѣтивъ крайнее утомленіе своихъ войскъ, вынужденъ былъ отступить на Гави и тѣмъ повлекъ отступленіе лѣваго своего крыла на Пастурано, гдѣ союзники принудили французовъ положить оружіе.

Союзникамъ досталось 4600 плѣнныхъ, 4 знамени и 37 орудій, но и потери были велики: съ нашей стороны—8000 человѣкъ, а у французовъ до 11000 человѣкъ. Дальнѣйшимъ побѣдамъ Суворова въ Италіи воспрепятствовали козни Австрійскаго правительства.

5 августа, когда нужно было идти по пятамъ Моро, генералъ Меласъ, совмѣщавшій въ себѣ и званіе интенданта арміи союзниковъ, объявилъ Суворову, что нѣтъ ни продовольствія, ни муловъ для движенія въ горы, хотя Суворовъ требовалъ ихъ заготовленія еще 20 іюля. Русскія войска, двинутыя въ Швейцарію, встрѣчали повсюду на своемъ пути вѣроломство и предательство австрійскаго интендантства. Ни до сроковъ, ни до количества снабженія Русской арміи *союзному интендантству не было* заботы. Прибывъ въ Таверну 4 сентября, Суворовъ не нашелъ тамъ ни одного мула, вмѣсто ожидавшихся 1430 муловъ. Главныя силы Суворова могли тронуться изъ Таверны только 10 сентября. Пройдя 3 дня по утесамъ и кручамъ, 13 сентября Суворовъ атаковалъ французовъ на С. Готардѣ. Непріятель былъ выбитъ изъ скалъ цѣною 1200 нашихъ солдатъ.

14 сентября русскія войска совершили переходъ чрезъ Чертовъ мостъ, 15 сентября достигли Альтдорфа, а 18 сосредоточились въ Мутенской долинѣ, въ 15 верстахъ отъ Швица, гдѣ получено было извѣстіе о пораженіи нашего корпуса подъ командою Римскаго-Корсакова. Суворовъ, истерзанный огорченіями, истомленный въ борьбѣ съ интригами, съ изумительной силой выносилъ физическія невзгоды горнаго похода по тропинкамъ, доступнымъ лишь оленямъ. Очутившись въ каменномъ мѣшкѣ, между утесовъ альпъ, окруженный повсюду французами, безъ надежды на подкрѣпленіе, безъ продовольственныхъ запасовъ и перевозочныхъ средствъ, онъ проявилъ въ эту критическую минуту свою исполинскую силу духа. На собранномъ имъ тогда военномъ совѣтѣ рѣшено пробиваться чрезъ окружавшую ихъ живую

стѣну французовъ. Багратіонъ два дня прокладывалъ путь чрезъ войска Молитора, а Розенбергъ два дня отбивалъ атаки Массены. Стужа и снѣгъ усиливали трудности пути по обледенѣлымъ горнымъ тропинкамъ и карнизамъ утесовъ. Всякій невѣрный шагъ вызывалъ паденіе съ кручи въ пропасть *).

23 сентября русскія силы стянулись къ Гларису. Переходъ затѣмъ черезъ Панксеръ былъ еще труднѣе Роштокскаго, но геній Суворова вывелъ изъ опасности своихъ чудо-богатырей въ долину Рейна, затѣмъ и на родину. Слава русскихъ войскъ была спасена. Никогда человѣческая энергія не достигала такой высоты, никогда еще духъ не одерживалъ такой побѣды надъ немощами физическими, надъ суровыми невзгодами природы.

„Недоставало Вамъ одного рода Славы“,—писалъ Суворову Императоръ Павелъ,—„преодолѣть и самую природу; но Вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ“.

Такъ кончилъ свою безпримѣрную 55-ти лѣтнюю службу Царю и отечеству нашъ геніальный полководецъ, пожалованный рѣдкимъ отличіемъ—генералиссимусомъ. Имя его сіяетъ въ русской военной исторіи безпримѣрною побѣдною славою. Безсмертный исполинскій духъ его витаетъ надъ русскою арміею, украшаетъ побѣдными лаврами ея знамена, блескомъ на остріяхъ ея штыковъ указываетъ путь къ новымъ побѣдамъ во славу Царя и родины, подарившей намъ творца науки побѣждать.

Помѣщенная на памятникѣ тысячелѣтія Россіи горельефная фигура великаго и геніальнаго полководца навсегда будетъ указывать потомству, изъ рода въ родъ, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ.

Пря жизни своей Суворовъ былъ всегда удивленіемъ, славою, гордостью и любимцемъ всего русскаго народа отъ Царя до солдата и послѣдняго селянина, такимъ же пребудетъ онъ и для позднѣйшихъ поколѣній, пока стоитъ русская земля, а она Святая Русь будетъ незыблема въ долготу вѣковъ, пока живутъ въ сердцахъ русскаго народа завѣщанныя намъ геніальнымъ полководцемъ самоотверженное служеніе Царю и безпредѣльная любовь къ славѣ Отечества.

---

*) Милютинъ въ исторіи войны 1799 г. такъ описываетъ этотъ переходъ чрезъ Альпы: „Промокшіе до костей солдаты не находили даже дровъ для топлива; лишь только Суворовъ замѣчалъ, что солдаты его вѣшаютъ носъ, то тотчасъ же старческимъ голосомъ весело запѣвалъ имъ Новгородскую пѣсню: „Что дѣвушкѣ сдѣлалось, что красной случилося“ и тѣмъ ободрялъ малодушествующихъ“.

День Суворова.

Геніальная личность Суворова настолько оригинальна, а его нравственные устои настолько поучительны, что знать день частной его жизни не безъинтересно.

День Суворова начинался съ первыми пѣтухами. Спалъ онъ всегда на сѣнѣ, уложенномъ высоко и покрытомъ толстою парусинною простынею, имѣвшею сверху другую тонкую, полотняную простыню; въ головахъ его двѣ пуховыя подушки, третья простыня служила ему вмѣсто одѣяла. Въ холодное время онъ сверхъ простыни накрывался своимъ синимъ плащемъ. Ложился въ постель безъ рубашки. Вставъ съ постели, обыкновенно въ два часа по полуночи, онъ начиналъ бѣгать взадъ и впередъ по спальнѣ, а въ лагерѣ по своей палаткѣ; нерѣдко въ лѣтнее время онъ бѣгалъ въ такомъ видѣ въ садъ, гдѣ и маршировалъ въ тактъ.

Это продолжалось съ часъ времени, во время такихъ эволюцій онъ держалъ въ рукахъ тетрадки и твердилъ татарскія, турецкія и корельскія слова и разговоры. Послѣ такого урока онъ умывался; ему, по обыкновенію, приносили въ спальню два ведра самой холодной воды и большой мѣдный тазъ; въ продолженіе получаса онъ выплескивалъ изъ ведеръ воду себѣ на лицо. Послѣ этого камердинеръ тихонько лилъ воду на его плечи такъ, чтобы вода стекала ручейкомъ, катясь по локтямъ. Обтирался Суворовъ передъ каминомъ, въ это время входилъ въ его спальню поваръ Матька съ чаемъ. Онъ одинъ только имѣлъ право наливать ему чай и даже въ его присутствіи кипятить воду. Наливъ половину чашки, онъ подавалъ ему отвѣдать, если чай былъ крѣпокъ, разбавлялъ водою. Суворовъ любилъ черный чай лучшаго качества и приказывалъ просѣивать сквозь сито. Въ скоромные дни онъ пилъ по три чашки со сливками безъ хлѣба и безъ сухарей, въ постные дни безъ сливокъ, и строго наблюдалъ всѣ посты, не исключая среды и пятницы.

Во время страстной недѣли Суворовъ ничего не ѣлъ, а только пилъ одинъ чай безъ хлѣба.

За утреннимъ чаемъ записывалъ въ тетради вытверженные имъ уроки изучаемыхъ языковъ. Суворовъ не писалъ чернилами, а всегда китайскою тушью. Письма онъ писалъ на толстой бумагѣ, иногда на не большихъ клочкахъ, самымъ мельчайшимъ почеркомъ. Слогъ его былъ кратокъ, а въ выборѣ выраженій такъ мѣтокъ, что онъ никогда

написаннаго не поправлялъ. Запечатывалъ письма большою гербовой печатью, всегда самымъ дорогимъ сургучемъ. Послѣ чая спрашивалъ у повара, что будетъ на обѣдъ для него и для гостей. Въ постный день поваръ отвѣчалъ: уха, а въ скоромный—щи; вторымъ блюдомъ было жаркое. Сладкаго и соусовъ Суворовъ не любилъ. Для гостей же приготовлялись обѣды иногда изъ семи блюдъ, но не болѣе. Онъ ѣлъ весьма умѣренно, всегда содержа себя въ проголодь и терпѣть не могъ кто много ѣлъ за обѣдомъ. Онъ любилъ, чтобы гости говорили за столомъ. Послѣ утренняго чая, все еще не одѣтый, садился на софу и начиналъ пѣть по нотамъ духовные концерты Бортнянскаго и Сарти, исполняя партію 1-го баса. Такое пѣніе продолжалось цѣлый часъ. Пѣніе онъ такъ любилъ, что, по словамъ начальника его штаба генерала Ивашева, во время переѣздовъ бралъ съ собою ноты и исполнялъ любимыя партіи въ пути, нерѣдко приглашая къ исполненію и своихъ спутниковъ. Любовь къ музыкѣ и пѣнію была такъ у него развита, что дворовые его постоянно обучались этому искусству въ Москвѣ. Послѣ обычнаго пѣнія Суворовъ спѣшилъ одѣваться, употребляя на это не болѣе 5-ти минутъ, при чемъ еще разъ умывалъ лицо холодною водою. За симъ призывалъ адъютантовъ и занимался слушаніемъ докладовъ. Въ седьмомъ часу утра Суворовъ отправлялся на разводъ войскъ и здѣсь каждый разъ повторялъ солдатамъ свой военный катихизисъ; „Братцы! Смѣлость, бодрость, храбрость, „экзерциція, побѣда и слава! Береги пулю на три дня. Перваго коли, „второго коли, а третьяго съ пули убей... Ученый одинъ, а не учe„ныхъ—десять. Намъ мало трехъ! Давай намъ шесть, давай намъ „десять на одного, всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возьмемъ... „Стрѣляй рѣдко, да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко. Пуля обмишу„лится, а штыкъ не обмишулится; пуля дура, штыкъ молодецъ“.

Любопытенъ для потомства разсказъ ротнаго командира Суздальскаго полка капитана Таубрина о своемъ полковомъ командирѣ въ письмѣ къ товарищамъ изъ Ладоги отъ 3 Февраля 1767 года.

„Давно не писалъ я къ вамъ и вы гнѣвастесь на меня любезные товарищи и сослуживцы, что я оставилъ васъ и нашихъ храбрыхъ гренадеровъ и перешелъ въ пѣхотный полкъ, къ полковнику, котораго вы прозвали **чудакомъ**. Не удивляйтесь! Этотъ полковникъ таковъ, что какъ взглянетъ на человѣка съ солдатскимъ сердцемъ—то и покоритъ навѣкъ! Онъ и говоритъ, и ходитъ, и смотритъ, и ѣстъ, и пьетъ, и спитъ не такъ, какъ другіе люди. Послѣднюю рубаха, послѣдній кусокъ хлѣба—пополамъ съ нами! Ему ничего не надобно,

говорилъ онъ, былъ бы солдатъ доволенъ. Лѣтомъ чуть свѣтъ—ужъ онъ на ногахъ! Вскочитъ съ соломы,—которую онъ называлъ солдатскимъ пухомъ, помолится Богу, окатится холодною водою—что дѣлаетъ онъ и въ трескучіе морозы—и тотчасъ сборъ! „На вахтпарадъ, братцы, на вахтпарадъ“! кричитъ онъ на встрѣчу солдатамъ.... „Смотрите, ужъ птички Божьи поднялись, намъ грѣшно не встрѣтить солнышка въ чистомъ полѣ!“ Вы думаете, что нашъ вахтпарадъ то самое, что было у васъ! Какъ бы не такъ! Нашъ вахтпарадъ—настоящая баталія! Полкъ и полковую артиллерію раздѣлитъ на двѣ части—и давай сражаться! Сперва стрѣлки, потомъ атака на пушки,—карре противу кавалеріи, а конецъ всему дѣлу вѣнецъ—въ штыки. Тутъ нашъ полковникъ самъ не свой! Шпага на голо—кричитъ: „штыкъ въ полчеловѣка, ура, бей, коли, впередъ, бѣгомъ, наблюдай интервалы“, и пустится во весь духъ, а мы за нимъ, и цѣлымъ фронтомъ—ура!, ура! Наконецъ: „стой—спасибо братцы—пуля дура, штыкъ молодецъ,—побѣда,—слава! ступай домой!“

Въ жилахъ нашего полковника течетъ не кровь, а пламя, и онъ такъ умѣетъ воспламенять всѣхъ, что я самъ часто забываюсь, что я на ученьѣ—и воображаю, что нахожусь въ дѣйствительномъ сраженіи. Громъ барабановъ, стрѣльба, крикъ, бѣготня—пыль столбомъ, дымъ клубомъ—это нашъ вахтпарадъ! и вообразите, что солдаты не только не скучаютъ этимъ ученьемъ,—а рады ему! За быстрый патискъ и вѣрность въ движеніяхъ—по чаркѣ водки, а когда не доволенъ ученьемъ—въ наказанье не командуетъ на штыки—и церемоніальнымъ маршемъ велитъ идти съ поля. Повѣрите ли, что мы боимся этого наказанія!

Послѣ ученья, часовъ въ семь или въ восемь, а много въ девять, полковникъ нашъ обѣдаетъ. Кто приглашенъ изъ офицеровъ къ обѣду—милость! Вы подумаете, вотъ тутъ-то пируха!

Предъ обѣдомъ рюмка водки и солдатскій сухарь на закуску,—солдатскія щи и каша,—жаркое, какое случится—и баста. Питье: квасъ и вода, а для охотниковъ по рюмкѣ мадеры. Пожалуйста не воображайте, что это отъ скупости! Денегъ нашъ полковникъ не любитъ—и все отдаетъ на полкъ, онъ говоритъ: „если кто посвятилъ себя военному ремеслу, тотъ долженъ привыкать къ солдатской жизни, а роскошь мертвитъ мужество,“

Послѣ обѣда онъ отдыхаетъ, а тамъ, исправивъ полковыя дѣла, занимается книгами и планами, и такъ работаетъ до вечера. Тогда вскочитъ на донского скакуна и пошелъ скакать во весь опоръ по

полямъ и оврагамъ! Передъ вечерней зарей ужинъ. При зарѣ вечерняя молитва и на боковую, на соломy!

Вотъ какую жизнь ведетъ нашъ полковникъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, сынъ богатаго отца, генералъ-поручика! Нѣтъ у насъ, ни баловъ, ни пирушекъ, ни попоекъ, а о картежной игрѣ— ни гугу! Сохрани Богъ! Да онъ кажется проглотилъ бы игрока и съ картами! Не можетъ слышать о нихъ! Дай Богъ дождаться войны; я ручаюсь, что нашъ полкъ покажетъ себя. Я рѣшился служить при немъ, пока пуля или штыкъ непріятельскій насъ не разлучатъ. Онъ самъ выбралъ меня и я командую его ротою. Вспоминая о Плутархѣ, котораго я переводилъ въ Сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, мнѣ кажется, что мой полковникъ прибавитъ, со временемъ, новую главу въ этой книгѣ. Была бы война и умѣли бы только постигнуть его! Но у насъ царствуетъ Екатерина II, а взоръ Ея проникаетъ въ сердца! Прощайте и не сожалѣйте обо мнѣ, а поздравляйте меня!“

Послѣ развода, если было свободное время до обѣда, читалъ газеты, которыхъ выписывалъ всегда много: 6 французскихъ, 6 нѣмецкихъ и 2 русскія: Петербургскія и Московскія вѣдомости. За обѣдъ садился обыкновенно въ 8 ч. утра, а въ парадныхъ случаяхъ, т. е. съ гостями, въ 9 ч. утра. Передъ обѣдомъ онъ пилъ рюмку тминной водки, а при разстройствѣ желудка рюмку пѣнника съ толченымъ перцемъ. Закусывалъ водку всегда рѣдькой. Серебряныхъ приборовъ за столомъ не употреблялъ, ложка его оловянная, ножъ и вилка были съ костяными черенками. Суворовъ всегда садился съ боку стола, на правой его сторонѣ, на самомъ углу. Передъ обѣдомъ, идя къ столу, онъ читалъ громко молитву „Отче нашъ“. Кушанья не ставили на столъ, а носили прямо изъ кухни, съ огня, горячія, въ блюдахъ, обнося каждаго гостя, начиная со старшихъ. При гостяхъ Суворову подносили не всякое блюдо, а только то, которое онъ обыкновенно кушалъ. Суворовъ наблюдалъ величайшую умѣренность въ пищѣ, такъ какъ часто страдалъ разстройствомъ желудка. Камердинеръ его Прохоръ Дубасовъ всегда стоялъ позади его стула и не допускалъ его съѣсть лишнее, прямо отнимая тарелку, не убѣждаясь никакими просьбами, потому что зналъ, онъ же будетъ, въ случаѣ нездоровья Суворова, въ отвѣтѣ и даже подвергнется строгому взысканію. „Зачѣмъ давалъ лишнее ѣсть?“ Обычная фраза упрека въ подобныхъ случаяхъ. И если въ моментъ снятія со стола тарелки съ недоѣденнымъ кушаньемъ разгнѣванный его баринъ спрашивалъ: „по чьему приказа-

нію онъ такъ поступаетъ? Прохоръ обычно отвѣчалъ: „по приказанію фельдмаршала Суворова“. — „Ему должно повиноваться“ отзывался Суворовъ. Камердинеръ Прохоръ не отличался трезвостью, но Суворовъ былъ къ нему весьма снисходителенъ за спасеніе имъ когда то его жизни. Этотъ камердинеръ былъ пожалованъ Сардинскимъ Королемъ двумя медалями, съ надписью на латинскомъ языкѣ „За сбереженіе здоровья Суворова“, для ношенія на груди.

Въ продолженіе обѣда Суворовъ пилъ венгерское или малагу въ умѣренномъ количествѣ, а въ торжественные дни—шампанское.

Суворовъ никогда не завтракалъ и не ужиналъ. Лакомствъ и плодовъ онъ не любилъ; изрѣдка только, вмѣсто ужина, подавали ему нарѣзанный ломтиками лимонъ, обсыпанный сахаромъ, а иногда ложечки три варенья, которое онъ запивалъ рюмкою сладкаго вина.

Во время походовъ Суворовъ никогда не обѣдалъ одинъ; столъ его накрывался на пятнадцать, на двѣнадцать персонъ, для генераловъ и прочихъ чиновъ своего штаба.

Послѣ стола всегда крестился три раза; вообще онъ молился очень усердно и всегда съ земными поклонами, по четверти часа утромъ и вечеромъ. Ложился спать не позже 10 часовъ вечера.

Во время великаго поста въ его комнатахъ всякій день отправлялась Божественная служба, во всю недѣлю говѣнья пилъ одинъ чай безъ хлѣба.

Во время Божественной службы у себя дома, какъ и въ деревнѣ, онъ всегда служилъ дьячкомъ, зная церковную службу лучше многихъ причетниковъ. Въ церкви же становился на клиросъ, пѣлъ съ пѣвчими и любилъ читать апостолъ. Послѣ пасхальной заутрени и обѣдни въ церкви, онъ становился въ рядъ съ духовенствомъ и христосовался со всѣми, кто бы ни былъ въ церкви. Во все это время его камердинеры стояли позади съ лукошками, Суворовъ каждому давалъ яйцо, а самъ ни отъ кого не бралъ. Во всю святую недѣлю пасха и куличъ не сходили съ его стола и предлагались каждому изъ гостей.

Троицынъ день и Семикъ онъ праздновалъ по старинному русскому обычаю; обѣдалъ всегда съ гостями въ рощѣ подъ березками, украшенными разноцвѣтными лентами, при пѣніи пѣвчихъ, а иногда при хорахъ пѣсенниковъ или музыкантовъ. Послѣ обѣда самъ игралъ въ хороводахъ съ дѣвушками и съ солдатами. Въ походахъ, во время святокъ, если это случалось въ городахъ, всегда праздновалъ ихъ шумно, приглашая множество гостей, забавлялся

игрою въ фанты и въ другія игры, между которыми игра: „живъ, живъ курилка“ была его самою любимою. На масляницѣ онъ очень любилъ гречневые блины и катанье съ горъ.

Въ теченіе масляницы онъ давалъ балы раза три. Самъ онъ на нихъ присутствовалъ до обыкновеннаго своего часа сна, и когда тотъ наступалъ, онъ потихоньку уходилъ отъ гостей въ спальню, давая гостямъ веселиться до утра. Именины и день своего рожденія ни когда не праздновалъ, но всегда съ большимъ почтеніемъ праздновалъ торжественные и царскіе дни: въ эти дни онъ бывалъ въ церкви во всѣхъ орденахъ, въ полной парадной формѣ, и послѣ обѣдни приглашалъ къ себѣ гостей, а иногда дѣлалъ балъ.

Въ обыкновенные дни, послѣ обѣда, Суворовъ умывался, выпивалъ стаканъ англійскаго пива съ натертой сахаромъ лимонной коркой, затѣмъ совершенно раздѣвался, ложился въ постель и спалъ часа три. Вставъ послѣ сна, онъ одѣвался очень быстро. Одежда его кромѣ бѣлья состояла изъ нижняго канифаснаго платья съ гульфиками. Садясь на стулъ онъ надѣвалъ наколѣнники и китель, бѣлый канифасный съ рукавами. Это былъ его домашній комнатный нарядъ и въ заключеніе надѣвалъ на шею чаще Аннинскій, а иногда и Александровскій орденъ.

Зимою ни въ какой морозъ не носилъ онъ мѣхового платья, ни даже теплыхъ фуфаекъ, или перчатокъ, хотя бы цѣлый день долженъ былъ стоять на морозѣ. Плаща и сюртука не надѣвалъ въ самый большой дождь. Въ самые суровые морозы, подъ Очаковымъ, Суворовъ въ лагерѣ былъ въ одномъ суперветѣ, съ каской на головѣ, а въ царскіе дни въ мундирѣ и въ шляпѣ и всегда безъ перчатокъ.

Зимою Суворовъ любилъ, чтобы въ комнатахъ его было такъ тепло, какъ въ банѣ. Дома онъ разгуливалъ по комнатамъ безъ всякаго платья. Въ Варшавѣ и въ Херсонѣ его квартиры были съ садомъ, по которому онъ и бѣгалъ всегда въ одномъ бѣльѣ и въ сапогахъ. Квартира его состояла по большей части изъ трехъ комнатъ: первая комната была его спальней и вмѣстѣ съ тѣмъ кабинетомъ, вторая шла за столовую, гостиную и залъ, а третья, ближайшая къ спальнѣ,—назначалась для его слугъ. Въ спальнѣ его всегда, до разсвѣта, горѣли двѣ восковыя свѣчи, а въ камердинерской горѣла одна сальная свѣча всю ночь, посреди таза съ водою.

Волосы свои Суворовъ мазалъ помадою и опрыскивалъ себя духами, которыми кромѣ того всякій день смачивалъ узелокъ своего носового платка. Табаку не курилъ, но нюхалъ часто рульный табакъ. Таба-

керку въ будни носилъ золотую, а въ праздники жалованную съ бриллiантами. Онъ никогда не подчивалъ другихъ изъ своей табакерки, исключенiя дѣлались рѣдко—для близкихъ друзей. Онъ не терпѣлъ, чтобы въ его домѣ были зеркала. При остановкахъ на походѣ въ чужихъ домахъ зеркала завѣшивались простынями. Любимыми его кушаньями были щи изъ свѣжей или кислой капусты, тушеная говядина съ пряностями, калмыцкая похлебка—башбармакъ, пельмени, каша изъ разныхъ крупъ и жаркое изъ дичи, или телятины. Въ постные дни: бѣлые грибы, различно приготовленные, пироги съ грибами, жидовская щука,—фаршированная съ хрѣномъ, и щука съ голубымъ перомъ, разварная. Въ баню Суворовъ ходилъ раза четыре въ годъ и выдерживалъ ужасный жаръ на полкѣ, послѣ чего на него выливали 10 ведеръ холодной воды, всегда два ведра вдругъ. Зимою и лѣтомъ онъ носилъ нитяные чулки.

Суворовъ при себѣ не носилъ никогда, ни часовъ, ни денегъ; также и въ домѣ его не было часовъ; онъ говорилъ, что солдату они не нужны, солдату и безъ часовъ должно знать время. Когда надо было идти въ походъ, никогда въ приказахъ своихъ не назначалъ часа, но приказывалъ быть готовыми къ выступленiю съ первыми пѣтухами, и когда время выступленiя наставало, выходилъ къ войскамъ и выкрикивалъ „кукуреку“. Ни собакъ, ни кошекъ въ домѣ не держалъ, но встрѣчая ихъ гдѣ либо, всегда ласкалъ.

Живя зимою въ усадьбѣ, всегда устраивалъ въ одной комнатѣ садъ съ птицами. Полъ посыпался пескомъ, елки и сосны разставлялись въ кадкахъ, скворцы и мелкая птица кормились всю зиму, свободно летая по деревьямъ. Въ первый день Пасхи, если она была не очень холодная, птицы выпускались на волю. Въ этомъ импровизованномъ зимнемъ саду Суворовъ любилъ обѣдать и гулять. Суворовъ ежедневно ходилъ пѣшкомъ по десяти и болѣе верстъ и когда уставалъ, то ложился на траву, поднимая ноги кверху, для отлива крови отъ ступней. Докторовъ онъ сильно недолюбливалъ и когда его подчиненные просились въ больницу, онъ говорилъ имъ всегда: „Въ больницу не ходите. Первый день будетъ тебѣ постель мягкая и кушанье хорошее, а на третiй день тутъ и гробъ. Доктора тебя уморятъ. Лучше, если не здоровъ, выпей чарочку винца съ перечкомъ, побѣгай, попрыгай, поваляйся и здоровъ будешь“. Если онъ при себѣ всегда держалъ фельдшера, то исключительно для перевязки часто открывавшихся своихъ ранъ. Простота и воздержность сродnила его съ недугами и научила переносить ихъ легко и безропотно. Суровая чисто

спартанская жизнь закалила тѣло его отъ невзгодъ и была хорошей предохранительницей отъ многихъ немощей. Суворовъ горячо любилъ своихъ дочь и сына, но не былъ, однако, счастливъ, въ своей семейной жизни, подобно многимъ великимъ, удѣлъ коихъ не имѣть счастія въ настоящемъ.

При Суворовѣ состояло пять слугъ: самый довѣренный камердинеръ Прохоръ Дубасовъ изъ его дворовыхъ, по смерти господина награжденный 5000 рублями и вольною, а при открытіи памятника Суворову въ 1801 году пожалованный Императоромъ Александромъ класснымъ чиномъ и пенсіею по 1200 рублей въ годъ; два подкамердинера: сержантъ Козловскаго полка Иванъ Сергѣевъ и сержантъ Илья Сидоровъ, оба состояли при Суворовѣ до его смерти, четвертый фельдшеръ и пятый поваръ,—калмыкъ Матька.

Во всю жизнь Суворова при немъ не было женщинъ въ прислужницахъ. Суворовъ скончался смертію христіанина праведника. Послѣдняя энергія его мысли была направлена къ Богу. Исторія сохранила намъ его послѣднюю фразу на смертномъ одрѣ: „Долго гонялся л за славой,—все мечта; покой души—у Престола Всемогущаго“.

Очевидцы погребенія Суворова всѣ согласно свидѣтельствуютъ, что несмѣтное число провожавшихъ его гробъ, никогда покойнаго при жизни не знавшихъ, оплакивали его какъ роднаго, самъ Государь не удержался отъ слезъ. Исполненный придворными пѣвчими 90 псаломъ по нотамъ Бартнянскаго: „Живый въ помощи Вышняго въ кровѣ Бога небеснаго водворится“, остался у всѣхъ въ памяти на всю жизнь.

На кончину Суворова 6-го мая 1800 года поэтъ А. Шишковъ написалъ слѣдующую эпитафію:

Остановись прохожій!
Здѣсь человѣкъ лежитъ на смертныхъ не похожій:
Въ глуши, на крылосѣ съ дьячкомъ онъ басомъ пѣлъ,
И славою какъ Петръ иль Александръ гремѣлъ;
Ушатомъ на себя холодную лилъ воду,
И пламень храбрости вливалъ въ сердца народу;
Въ рубахѣ, въ каскѣ онъ предъ войсками верхомъ
Какъ молнія сверкалъ, и поражалъ какъ громъ;
Съ полками тамъ ходилъ, гдѣ чуть летаютъ птицы,
На клячѣ грады бралъ съ нагайкою въ рукѣ;
Чужой народъ носилъ его на головѣ;
Одною пищею съ солдатами питался;
Цари къ нему въ родство. не онъ къ нимъ причитался;
Былъ двухъ имперій вождь, Европу удивлялъ,
Взводилъ царей на тронъ и на соломѣ спалъ.

Безпримѣрные подвиги Суворова были оцѣнены съ высоты трона извѣстнымъ рескриптомъ: „Вы поставили себя выше награжденій“.

№ 1.

ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СУВОРОВЪ РЫМНИКСКІЙ ГЕЛАНДСКІЙ
ЛЕВЕРЕНТ.
ПОБѢДИХЪ
РЫМНИКЪ
ИЗМАИЛЪ
ВАРШАВУ
ФОКШАНЫ
ВЪ 1787, 1789 И 1790
ГОДАХЪ.

ALEX·SUWOROW·PRINC ITAL·COM·RIMNIKS·
CHK.

N2

ITALIAE LIBERATOR.
M.DCCXCIX

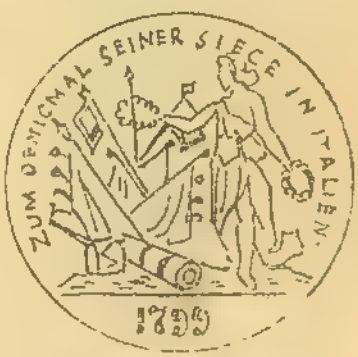
FELDMARSHAL COUNT. SUWAROW
COMMANDER-IN CHIEF.

N3.

COMSECUTOR
PETIT.

ALEX·WASILIEWITSCH COMTE DE SOUWOROFF

N4.


ZUM DENKMAL SEINER SIEGE IN ITALIEN.
1799

C. SUWAROW AMOR ITALIAE

N5.

CALLORUM TERROR
Jeton

TREBIA
HANNIBALIS.
A.DXXXV.V.C
LICHTENSTEINII
A.MDCCXXXXVI
SUWAROFII.ET.MELAS
C.MDCCLXXXXVIIII
VICTORIIS.MAGNA
EX.DECRETO AVGVSTAE
A.MDCCCXXI
PONTE IMPROSITO
VVILITATPPOPVLOR
FELIX.

N6

M.LVDOV ARCH.AVUTR.D.C.PARM.PLAC.ET.VASTOVX.

C.SUWAROW
AMOR ITALIAE

N7.

GALLORUM
TERROR.

N8.

IMMER
BLUHE
DEIN GLUCK
WIE
DIESE
NIEWELKENDE
ROSE

Дѣйствительно онъ имѣлъ высшій въ государствѣ чинъ генералиссимуса, всѣ Россійскіе ордена, многіе при томъ съ алмазными украшеніями, особый брилліантовый плюмажъ на шляпу и брилліантовое перо на каску съ литерою К, за Кинбурнъ, брилліантовый эполетъ, двѣ шпаги съ брилліантовыми украшеніями, одна изъ нихъ съ надписью „побѣдителю визиря“, графство, а затѣмъ княжеское достоинство съ титуломъ Италійскаго, титулъ принца Сардинскаго королевскаго дома и много другихъ наградъ, всѣ за боевыя отличія.

Имя героя народнаго принадлежитъ Суворову по преимуществу. Нашъ простой народъ не знаетъ никакихъ своихъ великихъ людей, а про Суворова слышалъ неоднократно и разсказами о немъ интересуются всѣ отъ мала до велика.

Для увѣковѣченія памяти о подвигахъ Суворова въ потомствѣ было выбито восемь медалей и жетоновъ. Одна въ 1791 г. въ Петербургѣ по повелѣнію Императрицы Екатерины II, воспослѣдовавшему послѣ взятія Измаила, одна въ Вѣнѣ въ началѣ 1799 года, пять въ Миланѣ въ томъ же 1799 году и одна въ Пармѣ въ 1821 году.

1) Бюстъ съ львиною шкурою на плечахъ и на оборотѣ медальоны совершенныхъ Суворовымъ выдающихся побѣдъ.

2) Бюстъ въ римскихъ латахъ съ львиною шкурою на плечахъ, на оборотѣ изображеніе воина, подпирающаго копьемъ четыре короны освобожденной Италіи 1799 г.

3) Бюстъ въ мѣховой одеждѣ и казачьей шапкѣ, съ небритою бородою и усами, на оборотѣ олицетворенная слава и надпись: „Взятіе Аддуи 27-го апрѣля 1799 г.“ Итальянецъ медальеръ, зная о Суворовѣ по наслышкѣ, при изображеніи его далъ полную волю своему южному воображенію. На казачьихъ лошадяхъ Суворовъ ѣздилъ, но шубы, бороды и усовъ никогда не носилъ.

4) Бюстъ въ мундирѣ, съ косичкою на головѣ, на оборотѣ надпись: „За побѣды въ Италіи 1799 г.“

5) Бюстъ въ римскомъ вооруженіи, на шлемѣ лавровый вѣнокъ, на оборотѣ пѣшій латникъ съ поднятымъ мечемъ гонитъ бѣгущаго льва 1799 г.

6) Бюстъ герцогини Пармской, почитательницы побѣдъ Суворова, на оборотѣ надпись: Треббія; Аннибалъ 1535 года. Лихтенштейнъ 1746 г. Суворовъ и Меласъ 1799 г.

7) Бюстъ въ римскомъ вооруженіи, на шлемѣ лавровый вѣнокъ, на оборотѣ конный латникъ поражаетъ мечемъ бѣгущаго льва 1799 г.

(эта медаль выбивалась тремя разными штемпелями, въ общемъ сходными между собою).

и 8) Выбитая въ Вѣнѣ, на лицевой сторонѣ книга военной исторіи и на ней ваза съ розами; по бокамъ вазы колчаны стрѣлъ, перевитые гирляндами изъ лавровыхъ вѣнковъ, на оборотѣ надпись: „Всегда да цвѣтетъ твое (военное) счастіе, какъ эта неувядающая роза“.

Характеристика Суворова.

(по эпизодамъ изъ его жизни, сообщеннымъ въ анекдотическихъ разсказахъ современниковъ).

1.

Однажды Суворовъ, разговорясь о самомъ себѣ, спросилъ всѣхъ, у него бывшихъ:

„Хотите ли меня знать? я вамъ раскрою: меня хвалили Цари, любили воины, друзья мнѣ удивлялись, ненавистники меня поносили, придворные надъ мною смѣялись. Я шутками говорилъ правду подобно Балакиреву, который былъ при Петрѣ Первомъ и благодѣтельствовалъ Россіи. Я пѣлъ пѣтухомъ, пробуждалъ сонливыхъ, угомонялъ буйныхъ враговъ отечества. Если бы я былъ Цезарь, то старался бы имѣть всю благородную гордость души его, но всегда чуждался бы его пороковъ“.

2.

Суворовъ въ чинѣ полковника командовалъ Суздальскимъ полкомъ, расположеннымъ въ Новой Ладогѣ. Повторяя безпрестанно, что солдатъ и въ мирное время на войнѣ, кромѣ обыкновеннаго воинскаго ученья, изобрѣталъ онъ свои особенныя экзерциціи, гдѣ можно было показать силу, ловкость, отвагу; дѣлая съ полкомъ различные маневры, онъ весьма желалъ показать солдатамъ примѣрный штурмъ. Такъ однажды, идя съ полкомъ изъ Ладоги въ Петербургъ мимо какого-то монастыря, въ пылу воображенія, тотчасъ составилъ планъ къ приступу, онъ скомандовалъ на штурмъ и полкъ его бросился на монастырскія стѣны: солдаты взобрались на нихъ съ крикомъ „ура“. Суворовъ извинялся послѣ предъ испуганнымъ настоятелемъ за причиненное упражненіемъ солдатъ своихъ безпокойство монастырю.

3.

Неизвѣстно по какимъ причинамъ Суворовъ не былъ однажды внесенъ въ списокъ дѣйствующихъ генераловъ. Это его весьма огорчило. Пріѣхавъ въ Петербургъ, является онъ къ Императрицѣ; бросается къ Ея ногамъ, и лежитъ неподвижно. Императрица подаетъ ему руку, чтобы его поднять. Онъ тотчасъ вспрыгнулъ, поцѣловалъ Ея десницу и воскликнулъ: „Кто теперь противъ меня? Сама Монархиня меня возстановляетъ!“.

Въ тотъ же день было катанье по царскосельскому пруду на яликахъ. Суворовъ имѣлъ счастіе быть гребцомъ Екатерины. Когда онъ подъѣхалъ къ берегу, то сдѣлалъ изъ ялика такой отважный скачекъ, что Государыня испугалась. Онъ просилъ у Нея извиненія, что считаясь инвалидомъ, возилъ Ея Величество неисправно.

„Нѣтъ!“ отвѣчала Императрица: „кто дѣлаетъ такіе прыжки, тотъ не инвалидъ“. И въ тотъ же день Суворовъ былъ внесенъ въ военный списокъ генераловъ и получилъ начальство.

4.

„Знаешь ли ты“—спросилъ Суворовъ вдругъ вошедшаго къ нему генерала Милорадовича: „трехъ сестеръ?“.

„Знаю!“ отвѣчалъ Милорадовичъ.

„Такъ“, подхватилъ Суворовъ: „ты русскій, ты знаешъ трехъ сестеръ: Вѣру, Надежду и Любовь. Съ ними слава и побѣда, съ ними Богъ!“.

5.

Однажды Суворовъ выбѣжалъ на встрѣчу къ одному изъ своихъ гостей, кланялся ему чуть не въ ноги и бѣгалъ по комнатѣ, крича: „Куда мнѣ посадить такого великаго, такого знатнаго человѣка! Прошка! стулъ, другой, третій“. И при помощи Прошки Суворовъ ставилъ стулья одинъ на другой, кланяясь и прося садиться выше другихъ.

„Туда, туда, батюшка, а ужъ свалишься,—не моя вина“; говорилъ Суворовъ, улыбаясь.

6.

Однажды въ простой солдатской курткѣ Суворовъ бѣжалъ по лагерю.

„Эй, старикъ, постой!“ закричалъ ему вслѣдъ сержантъ, присланный отъ генерала Дерфельдена съ бумагами. „Скажи, гдѣ присталъ главнокомандующій“.

— „А чертъ его знаетъ“,—отвѣчалъ Суворовъ.

„Какъ!“ вскричалъ сержантъ; „я привезъ къ нему отъ генерала бумаги“.

„Не отдавай“,—кричалъ Суворовъ: „онъ теперь или мертвецки пьянъ, или горланитъ пѣтухомъ“.

Тутъ сержантъ, замахнувшись на него палкой, сказалъ: „моли Бога, старичишка, за свою старость, не хочу рукъ марать: ты видно не русскій, что такъ ругаешь нашего отца и благодѣтеля!“.

Суворовъ давай Богъ ноги. Черезъ часъ онъ пришелъ домой; сержантъ ужъ былъ тамъ. Увидя Суворова, онъ хотѣлъ броситься къ его ногамъ, но главнокомандующій обнялъ его и сказалъ: „Ты доказалъ любовь къ начальнику на дѣлѣ: хотѣлъ поколотить меня, за меня же“.—И изъ своихъ рукъ подчивалъ его водкою.

7.

Одинъ генералъ любилъ ходить въ пучкѣ, что было противно тогдашней формѣ. Суворовъ боялся за него, чтобы онъ не подвергнулся за это непріятностямъ; но уважая его лѣта и службу, не имѣлъ духа ему запретить. Однажды, въ присутствіи этого генерала, Суворовъ сказалъ своему секретарю Фуксу:

„Узнай подъ рукою, не кроется ли въ пучкѣ или подъ пучкомъ что нибудь важное?“.

Подобными разными шутками Суворовъ довелъ его до того, что онъ началъ носить форменную прическу и косу.

8.

Генералъ-поручикъ и начальникъ инженернаго департамента при Императрицѣ Екатеринѣ, Тючковъ поздравлялъ Суворова съ побѣдами и между прочимъ замѣтилъ, что онъ не присылаетъ по обязанности своей картъ и плановъ сраженіямъ въ его департаментъ. Онъ признался, что виноватъ. Тотчасъ вынесъ большую карту Европы, свернутую въ трубку; возложилъ ее на плечо, какъ ружье; отдалъ ею честь къ ногѣ, и положилъ ее къ стопамъ Тючкова.

9.

Суворовъ, встрѣтясь съ однимъ генераломъ, по стремленію невольной запальчивости, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и вдругъ, смягчивъ голосъ, продолжалъ:

„Я говорилъ вамъ какъ раздраженный начальникъ, теперь буду говорить, какъ другъ и отецъ. Я знаю все: вѣроломство и измѣна передали васъ въ руки непріятелей. Богъ взыщетъ съ нихъ!... Если можно, не вспоминайте о прошедшемъ".

10.

Одинъ полковникъ, разсуждая о предстоявшихъ военныхъ предпріятіяхъ, осмѣлился предложить фельдмаршалу планъ отдѣльнымъ операціямъ своего полка. Суворовъ сказалъ ему:

„Воюй, полковникъ; твой успѣхъ будетъ эпизодомъ въ исторіи. Но планъ главнокомандующаго есть исторія его жизни и—славы всего его войска".

11.

Одинъ генералъ любилъ говорить о газетахъ и безпрестанно повторялъ: „въ газетахъ пишутъ"; „по послѣднимъ газетамъ" и т. д. Суворовъ на это возразилъ:

„Жалокъ тотъ полководецъ, который по газетамъ ведетъ войну. Есть и другія вещи, которыя знать ему надобно, и о которыхъ тамъ не печатаютъ".

12.

Разговаривая о музыкѣ, одинъ генералъ дѣлалъ свои замѣчанія, что надлежало бы уменьшить число музыкантовъ и умножить ими ряды.

„Нѣтъ!", отвѣчалъ Суворовъ: „музыка нужна и полезна, и надобно, чтобы она была самая громкая. Она веселитъ сердце воина, равняетъ его шагъ; по ней мы танцуемъ и въ самомъ сраженіи. Старикъ съ большею бодростью бросается на смерть; молокососъ, стирая со рта молоко маменьки, бѣжитъ за нимъ. Музыка удвоиваетъ, утроиваетъ армію. Съ крестомъ въ рукѣ священника, съ распущенными знаменами и съ громогласною музыкою взялъ я Измаилъ".

13.

Суворовъ получилъ отъ одного генерала просительное письмо, объ опредѣленіи его въ армію, написанное прекраснымъ, отличнымъ слогомъ, такъ что онъ этого не могъ не замѣтить. „Да, хорошо написано", сказалъ онъ: „но мнѣ нужны воины, а не дипломаты. Мой Багратіонъ такъ не напишетъ; за то имѣетъ присутствіе духа, расторопность,

отважность и счастіе. Умъ его образованъ болѣе опытами, нежели теоріею. Въ бесѣдѣ съ нимъ, его не увидишь, но онъ исполняетъ всѣ мои приказы съ точностію и успѣхомъ. Вотъ для меня и довольно".

14.

Въ присутствіи Суворова читали книгу, въ которой сказано, что одинъ персидскій шахъ, человѣкъ впрочемъ кроткаго нрава, велѣлъ повѣсить двухъ своихъ журналистовъ за то, что они помѣстили въ своихъ листкахъ двѣ лжи.

„Какъ!" воскликнулъ Суворовъ: „только за двѣ лжи? Что, если-бы такой Шахъ явился у насъ, исчезли бы всѣ господа европейскіе журналисты! Не сносить бы головы ни одному изъ нихъ!".

15.

Однажды среди разговоровъ съ Растопчинымъ, когда тотъ—по собственному увѣренію—обратился весь въ слухъ и вниманіе, Суворовъ вдругъ остановился и запѣлъ пѣтухомъ.

„Какъ это можно!"съ негодованіемъ воскликнулъ Растопчинъ!

— „Поживи съ мое—запоешь и курицей!" отвѣчалъ Суворовъ.

16.

Случился у Суворова споръ о лѣтахъ двухъ генераловъ. Одному было дѣйствительно пятьдесятъ лѣтъ, а другому сорокъ. Но Суворовъ началъ увѣрять, что сорокалѣтній старѣе пятидесятилѣтняго.

„Послѣдній", говорилъ онъ: „большую часть жизни своей проспалъ, а первый работалъ на службѣ денно и нощно. Итогъ выйдетъ, что чуть ли сорокалѣтній не старѣе пятидесятилѣтняго".

„По этому разсчету", сказалъ маркизъ Шателеръ: „Вашему Сіятельству давно уже минуло за сто лѣтъ".

„Ахъ, нѣтъ!" отвѣчалъ Суворовъ: раскройте исторію, и вы увидите меня тамъ мальчишкою". „Истинно великіе хотятъ всегда казаться малыми, но громкая труба молвы заглушаетъ ихъ скромность", возразилъ Шателеръ.

Суворовъ зажмурился, заткнулъ уши и убѣжалъ.

17.

Нѣкто вздумалъ назвать Суворова поэтомъ. „Нѣтъ, извини!" возразилъ онъ, „поэзія—вдохновеніе, а я складываю только вирши".

18.

Переводъ Оссіана Костровъ посвятилъ Суворову, который во всѣхъ походахъ имѣлъ его съ собой и говорилъ:

„Оссіанъ, мой спутникъ, меня воспламеняетъ; я вижу Фингала, въ туманѣ, на высокой скалѣ сидящаго; слышу слова его: „Оскаръ! одолѣвай силу въ оружіи, щади слабую руку!“. „Честь и слава пѣвцамъ! Они мужаютъ насъ и дѣлаютъ творцами общихъ благъ“.

19.

Говорили объ одномъ военачальникѣ, котораго бездѣйствіе походило на трусость. Вотъ что возразилъ на это Суворовъ:

„Нѣтъ, онъ храбръ, но бережетъ себя, хочетъ дожить до моихъ лѣтъ“.

20.

Суворовъ, по мѣрѣ успѣховъ Наполеона, постепенно перемѣнялъ ему имена и жаловалъ изъ молокососовъ въ мальчики, а потомъ уже назвалъ молодымъ человѣкомъ и такъ далѣе.

Часто пересчитывая Бонапартовы побѣды, онъ восклицалъ съ жаромъ: „Мнѣ, старику, становится уже завидно!“.

21.

Одинъ офицеръ ничего не пилъ, кромѣ воды, но былъ пресносный, пустой болтунъ. Суворовъ прозвалъ его водопьяновымъ и сказалъ:

„Онъ пьетъ одну воду, но безъ хмѣлю колоброднтъ пуще пьянаго“.

„За то есть у меня пріятель К..., который въ духѣ ржаныхъ и виноградныхъ соковъ поетъ Гомеромъ и воспѣлъ Велизарія“. Этимъ именемъ называлъ онъ иногда себя.

22.

Одинъ офицеръ впрочемъ достойный, нажилъ нескромностію своею много враговъ въ арміи. Суворовъ призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и изъявилъ ему сердечное сожалѣніе, что онъ имѣетъ одного сильнаго злодѣя, который ему много, много вредитъ. Офицеръ началъ спрашивать, не такой ли НН.? Нѣтъ, отвѣчалъ Суворовъ. Не такой ли графъ Б.? Суворовъ опять отвѣчалъ отрицательно. Наконецъ, какъ бы

опасаясь, чтобы никто не подслушалъ, Суворовъ, запершвъ дверь на ключь, сказалъ ему тихонько: „Высунь языкъ“, и когда офицеръ это исполнилъ, Суворовъ таинственно сказалъ ему: „Вотъ твой врагъ“.

23.

На совѣтъ доктора: съѣздить на теплыя воды, Суворовъ отвѣчалъ: „Помилуй Богъ! Что тебѣ вздумалось? Туда посылай здоровыхъ богачей, прихрамывающихъ игроковъ, интригановъ, и всякую сволочь!. Тамъ пусть они купаются въ грязи, а я истинно боленъ!. Мнѣ нужна молитва, въ деревнѣ изба, баня, капица и квасъ“.

24.

Одинъ Принцъ обѣдалъ у Суворова и удивилъ его и всѣхъ присутствующихъ своимъ аппетитомъ. Всякое блюдо быстро исчезало. Суворовъ смотрѣлъ съ изумленіемъ. На другой день не могъ онъ позабыть этого посѣщенія и сказалъ:

„Ну, спасибо его свѣтлости! онъ первый изволилъ отдать справедливость искусству моего повара Мишки: ѣлъ, какъ будто у него пѣтъ желудка. Онъ не подходитъ подъ указъ Петра Перваго, объ отпускѣ прожорамъ двухъ пайковъ; для него мало и четырехъ“.

25.

Съ дамами Суворовъ былъ забавно учтивъ. Онъ слѣдовалъ наставленію Лорда Честерфильда *своему сыну: хвалите прелести каждой* дамы безъ изъятія. *И* Суворовъ *бесѣдуя съ ними, уменьшалъ* всегда ихъ года. Такъ, когда къ *Миланѣ одна тридцатилѣтняя* дюшесса представила ему *двѣнадцатилѣтнюю свою дочь,* Суворовъ притворился будто не вѣритъ.

„Помилуйте, сударыня!“ сказалъ онъ: „вы еще *молоденькая* прелестная дѣвушка“.

Но когда онъ узналъ отъ нея, что она съ мужемъ въ *разводѣ,* то воскликнулъ:

„Я никогда еще не видалъ въ свѣтѣ чудовища, пожалуйста *покажите* мнѣ его“.

26.

Во время пребыванія своего въ Херсонѣ, Суворовъ познакомился на вечеринкѣ съ сестрою знаменитаго нашего адмирала Круза. Онъ

узнаетъ, что мужъ ея, капитанъ перваго ранга Вальрондъ, разжалованный въ матросы вѣчно, проживалъ съ нею тамъ.

Тронутый несчастнымъ положеніемъ этой благовоспитанной дамы, Суворовъ въ день отъѣзда своего въ армію, садясь въ кибитку, сказалъ ей:

„Молись Богу; онъ услышитъ молитву твою!“ И по взятіи Варшавы написалъ въ Петербургъ:

„Знаю, что Матушка Царица меня наградитъ; но величайшая для меня награда—помилованіе Вальронда“. И просьба Суворова была уважена.

27.

Императрица Екатерина въ Кременчугѣ, въ проѣздъ въ Таврическую область, изволила спросить Суворова, не имѣетъ ли онъ какой просьбы? Онъ бросился къ Ея ногамъ и просилъ о заплатѣ за нанятую имъ въ Кременчугѣ квартиру. Въ тотъ же день выдано ему изъ казны, по его показанію, двадцать пять рублей съ причитающимися копѣйками.

28.

На маневрахъ, бывшихъ въ Кіевѣ при проѣздѣ Императрицы Екатерины II черезъ этотъ городъ, во время Ея присутствія, къ Суворову подошелъ какой-то австрійскій офицеръ, безъ всякихъ знаковъ отличій—то былъ Императоръ Іосифъ. Суворовъ говорилъ съ нимъ, притворясь будто вовсе не знаетъ съ кѣмъ говорить, и на вопросъ: „Знаете ли вы меня?“ съ улыбкою отвѣчалъ:

„Не смѣю сказать, что знаю“, и прибавилъ шепотомъ: „Говорятъ, будто вы Императоръ Римскій!“.

„Я довѣрчивѣе васъ“, отвѣчалъ Іосифъ, „и вѣрю, что говорю съ русскимъ фельдмаршаломъ, какъ мнѣ сказали“.

29.

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ отправилъ къ Суворову съ поздравленіемъ своего любимца маіора, очень ему преданнаго и очень бойкаго. Суворовъ, принялъ его чрезвычайно вѣжливо, но всячески старался уловить въ немогузнайствѣ, и никакъ не могъ. На вопросы: „сколько на небѣ звѣздъ? сколько въ рѣкѣ рыбъ?“ маіоръ сыпалъ милліоны. Наконецъ Суворовъ дѣлаетъ ему вопросъ: „Какая разница между княземъ Николаемъ Васильевичемъ и мною?“

Отвѣтъ затруднительный, но маіоръ не теряетъ присутствія духа и отвѣчаетъ: „Разница та, что князь Николай Васильевичъ желалъ бы произвесть меня въ полковники, но не можетъ, а вашему сіятельству стоитъ лишь захотѣть“.

Это Суворову такъ понравилось, что онъ тотчасъ его поздравилъ съ этимъ чиномъ.

30.

Суворовъ терпѣть не могъ зеркалъ. Даже на балахъ, въ угодность ему, ихъ закрывали. Если же случалось ему видѣть не закрытое, то тотчасъ отвернется и во всю прыть проскакаетъ мимо, чтобы не увидѣть себя. Однажды только въ Херсонѣ, по усиленной просьбѣ дамъ, позволилъ онъ поставить въ дальней, задней горницѣ маленькое зеркало, для дамъ кокетокъ, какъ выразился онъ при этомъ случаѣ; и самъ уже въ эту комнату не входилъ. Да и дамы, послѣ такого его отзыва, не рѣшались туда идти.

31.

Ѣдучи на чухонской телѣгѣ, по узкимъ финляндскимъ дорогамъ, Суворовъ не успѣлъ своротить, какъ встрѣтившійся съ нимъ курьеръ ударилъ его плетью. Ѣхавшій вмѣстѣ съ Суворовымъ, адъютантъ его, Курисъ, хотѣлъ было закричать, что это главнокомандующій, но Суворовъ, зажавъ ему ротъ, сказалъ: „Тише! Тише! курьеръ, помилуй Богъ, дѣло великое“!

По прибытіи въ Выборгъ, Курисъ узнаетъ, что курьеръ былъ поваръ генералъ-поручика Германа, отправившійся съ курьерскою подорожною за провизіею въ Петербургъ. Курисъ доноситъ объ этомъ графу, на что Суворовъ отвѣчалъ:

„Ну что же? мы оба потеряли право на сатисфакцію, потому что оба ѣхали инкогнито“.

32.

Проѣзжая мимо одной крѣпости въ Финляндіи, куда Суворовъ отправленъ былъ для осмотра и укрѣпленія Россійскихъ границъ, спросилъ онъ у своего адъютанта: „Можно ли взять эту крѣпость“.

„Какой крѣпости нельзя взять“, отвѣчалъ адъютантъ, „когда взятъ Измаилъ“.

Суворовъ замолчалъ и, подумавъ нѣсколько, сказалъ съ важностію: „На такой штурмъ, какъ Измаильскій, можно рѣшиться только одинъ разъ въ жизни!“.

33.

Занимаясь устройствомъ крѣпостей, однажды Суворовъ поручилъ одному полковнику надзирать за работами новыхъ укрѣпленій. За недосугомъ или за лѣностію, полковникъ сдалъ это порученіе младшему по себѣ. Пріѣхавъ осматривать работу и найдя неисправности, Суворовъ выговаривалъ полковнику, который въ свое оправданіе обвинялъ подчиненнаго.

„Ни онъ, ни вы не виноваты“, отвѣчалъ Суворовъ. При сихъ словахъ потребовалъ онъ прутъ и началъ сѣчь свои сапоги, приговаривая:

„Не лѣнитесь, не лѣнитесь! вы во всемъ виноваты. Еслибъ вы сами ходили по работамъ, то этого бы не случилось“.

34.

При вступленіи войскъ нашихъ въ Варшаву, Суворовъ отдалъ приказъ:

„У генерала Н. Н.... взять позлащенную его карету, въ которой въѣдетъ Суворовъ въ городъ. Хозяину сидѣть насупротивъ, смотрѣть въ право и молчать, ибо Суворовъ будетъ въ размышленіи“.

Надобно знать, что хозяинъ кареты слылъ говоруномъ.

35.

Въ польскую войну чиновники проиграли значительную сумму казенныхъ денегъ. Когда Суворовъ о томъ узналъ, то шумѣлъ, бросался изъ угла въ уголъ, кричалъ: караулъ! караулъ! воры! Потомъ одѣлся въ мундиръ, пошелъ на гауптвахту и, отдавая караульному офицеру свою шпагу, сказалъ:

„Суворовъ арестованъ за похищеніе казеннаго интереса“.

Потомъ написалъ онъ въ Петербургъ, что бы все его имѣніе продать и деньги внесть въ казну, потому что онъ виноватъ и долженъ отвѣчать за мальчиковъ, за которыми худо смотрѣлъ. Но Екатерина велѣла тотчасъ все пополнить и написала къ Суворову: „Казна въ сохранности“. И онъ опять возложилъ на себя шпагу.

36.

Встрѣтивъ жида, Суворовъ остановился и сказалъ своимъ спутникамъ:

„Вотъ и съ еврейскимъ пятисотнымъ полкомъ сражался я подъ Прагою и положилъ всѣхъ на мѣстѣ, кромѣ осторожнаго ихъ пол-

ковника Гирпко, который весьма благоразумно оставался въ Варшавѣ, и оттуда командовалъ". Живъ ли онъ? спросилъ Суворовъ, обратясь къ жиду, но не дождавшись отвѣта, поскакалъ, присовокупивъ:

„Напрасный вопросъ—я знаю, что онъ животолюбивъ".

37.

Суворовъ любилъ все русское, внушалъ любовь къ родинѣ и не рѣдко повторялъ: „горжусь, что я Россіянинъ". Не нравилось ему, если кто тщательно старался подражать французамъ въ выговорѣ ихъ языка и въ манерахъ. Тогда подобнаго франта онъ спрашивалъ:

„Давно ли изволили получать письма изъ Парижа отъ родныхъ?".

Еще въ бытность его въ Финляндіи, одинъ, возвратившійся изъ путешествія, штабъ-офицеръ вывезъ изъ Парижа башмаки съ красными каблуками и явился въ нихъ на балъ. Суворовъ не отходилъ отъ него и любовался башмаками, сказавъ ему:

„Пожалуй, пришли мнѣ башмаки для образца вмѣстѣ съ изданнымъ въ Парижѣ вновь военнымъ сочиненіемъ Губерта".

Однако, этотъ штабъ-офицеръ запастись означеннымъ сочиненіемъ не подумалъ и принужденъ былъ, чтобъ избѣгнуть преслѣдованій Суворова, удалиться съ бала.

38.

Послѣ взятія Измаила, Суворову подвели рѣдкую лошадь, которой не было цѣны, и просили принять ее въ память знаменитой эпохи; но онъ отказался, сказавъ:

„Нѣтъ, мнѣ она не нужна. Я прискакалъ сюда на донскомъ конѣ, съ однимъ казакомъ; на немъ и съ нимъ ускачу обратно".

Тогда одинъ изъ генераловъ замѣтилъ ему, что теперь онъ поскачетъ съ тяжестію новыхъ лавръ; на это Суворовъ отвѣчалъ:

„Донецъ всегда выносилъ меня и мое счастіе".

39.

Объ одномъ русскомъ вельможѣ говорили, что онъ не умѣетъ писать по русски.

„Стыдно!"—сказалъ Суворовъ; „но пусть онъ пишетъ по французски, лишь бы думалъ по русски".

40.

За обѣдомъ шелъ разговоръ о трудностяхъ узнавать людей.

„Да, правда", сказалъ Суворовъ, „только Петру Великому предо-

ставлена была великая тайна выбирать людей: взгляпулъ на солдата Румянцева, и онъ офицеръ, посолъ, вельможа; а тотъ за это отблагодарилъ Россію сыномъ своимъ, Задунайскимъ".

Вотъ мои мысли о людяхъ: „вывѣска дураковъ—гордость; людей посредственнаго ума—подлость; а человѣка истинныхъ достоинствъ—возвышенность чувствъ, прикрытая скромностію".

41.

Суворовъ часто говаривалъ: что недурно иногда спросить у служивыхъ, съ кѣмъ они хотятъ воевать. Они знаютъ и не ошибаются въ своихъ начальникахъ. Такъ, однажды надо было отрядить для нападенія на непріятеля два баталіона. Онъ подослалъ спросить, за кашицею, солдатъ одного полка, съ кѣмъ бы они хотѣли поработать? Всѣ въ одинъ голосъ назвали фамилію полковника, не смотря на то, что по видимому въ томъ полку были гораздо достойнѣйшіе. Суворовъ тотчасъ исполнилъ ихъ желаніе, и дѣло увѣнчалось успѣхомъ.

42.

У Суворова за обѣдомъ разсказывали о Шерерѣ, что, по прибытіи его въ италіянскую армію главнокомандующимъ, на первомъ смотру арміи въ Мантуѣ поднималъ онъ самъ головы солдатъ, оправлялъ шляпы и замѣтилъ тотчасъ недостающую на мундирѣ пуговицу. Суворовъ на это сказалъ:

„Ну, теперь я его знаю. Такой экзерцирмейстеръ не увидитъ, когда его непріятель окружитъ и разобьетъ".

43.

Узнавъ, что французскій главнокомандующій, Шереръ, сдалъ свое начальство генералу Моро и удалился въ Парижъ, Суворовъ сказалъ:

„И здѣсь вижу я перстъ Провидѣнія. Мало славы было бы разбить шарлатана. Лавры, которые похитимъ у Моро, будутъ лучше цвѣсти и зеленѣть".

44.

Въ Павіи приглашали Суворова посѣтить университетскую библіотеку, но онъ отговорился недосугами, и, обратясь къ секретарю своему, Фуксу, сказалъ:

„Сходи посмотрѣть этотъ макулатурный магазинъ. Сколько милліоновъ гусей должны были поставлять свои перья! Какой чернильный

океанъ долженъ былъ разлиться, чтобы бѣлое сдѣлать чернымъ? Но скажи имъ, „что Суворовъ въ Варшавѣ не былъ Омаромъ въ Александріи;—что Суворовъ не сжегъ библіотеки, но поднесъ плодъ оружія отечеству“.

45.

По взятіи австрійскимъ генераломъ Кеймомъ Турина, Суворовъ, возносилъ его похвалами и пилъ за его здоровье; одинъ изъ генераловъ знатнѣйшей древней австрійской фамиліи сказалъ: „Знаете ли, что Кеймъ изъ самаго низкаго состоянія и изъ простыхъ солдатъ дослужился до генерала“?

„Да“, возразилъ Суворовъ: „его не осѣняетъ огромное родословное дерево: но я почелъ бы себѣ особенною честію имѣть его, послѣ этого подвига, своимъ, по крайней мѣрѣ, хотя кузеномъ“.

46.

Придерживаясь аксіомы, что надобно чтить превратность счастія въ плѣнномъ, Суворовъ рѣдко чтобы не возвращалъ шпаги плѣнному военачальнику. Такъ, по взятіи Милана, возвращая шпагу генералу Серюрье, онъ сказалъ:

„Кто ею такъ владѣетъ, какъ вы, у того она не отъемлема“.

47.

Однажды между русскими и австрійскими войсками возникъ споръ о раздѣлѣ трофеевъ послѣ побѣды. Австрійцы, бывшіе въ резервѣ во время боя, требовали себѣ половину отбитыхъ у непріятеля пушекъ. Когда Суворову доложили о домогательствахъ австрійцевъ, то онъ воскликнулъ:

„Отдать имъ всѣ пушки, всѣ отдать. Гдѣ имъ взять? Мы себѣ еще добудемъ“!

48.

Въ воспитаніи воиновъ Суворовъ почиталъ за первое достоинство смѣлость и обыкновенно приводилъ въ примѣръ, какъ величайшихъ смѣльчаковъ, трехъ излюбленныхъ имъ лицъ: Курція, князя Якова Долгорукаго и старосту своей Новгородской вотчины Антона.

Перваго потому, что для спасенія Рима бросился въ пропасть, второго за то, что для блага Россіи рѣшался говорить правду Петру Великому и третьяго за то, что онъ ходилъ одинъ на медвѣдя.

49.

Однажды, увидѣвъ на берегу рѣки солдатъ, ѣвшихъ хлѣбъ и прихлебывающихъ ложками воду изъ рѣки, Суворовъ спросилъ: „что они ѣдятъ?“ „Итальянскій супъ“ получилъ въ отвѣтъ. Присѣвъ къ ратнымъ товарищамъ, отвѣдалъ ихъ пищу и похваливъ:

„Славный супъ, помилуй Богъ, славный; французишки близко; одинъ переходъ: у нихъ много напечено и нажарено. Все будетъ наше!“ ободрилъ ихъ Суворовъ.

50.

Изъ писемъ Суворова особенно достопамятно на имя П. Н. Скрыпицына. (Переводъ съ французскаго).

Милый мой Павелъ Николаевичъ!

„Посылаю тебѣ копію съ наставленія, писаннаго къ одному изъ моихъ друзей, родившемуся въ прошлую кампанію среди знаменитыхъ побѣдъ, одержанныхъ его отцемъ, и который при крещеніи нареченъ моимъ именемъ. Упомянутый герой весьма отваженъ, но безъ запальчивости, скоръ безъ опромѣтчивости, расторопенъ съ разсужденіемъ, подчиненъ безъ униженія; начальникъ безъ кичливости, побѣдитель безъ тщеславія, любочестивъ безъ надмѣнности, благороденъ безъ гордости, ласковъ безъ лукавства, твердъ безъ упорства, скроменъ безъ притворства; основателенъ безъ педантства, пріятенъ безъ легкомыслія, единственъ безъ подмѣси, искателенъ безъ ухищренія, проницателенъ безъ пронырства, откровененъ безъ оплошности, привѣтливъ безъ околичности, услужливъ безъ всякихъ для себя выгодъ, рѣшителенъ, убѣгаетъ неизвѣстности, основательное разсужденіе предпочитаетъ остроумію. Бывъ врагомъ зависти, ненависти и мщенію, противниковъ своихъ низлагаетъ только своимъ снисхожденіемъ и владычествуетъ надъ друзьями одною своею вѣрностію. Онъ утомляетъ тѣло свое, чтобы укрѣпить оное больше; управляетъ стыдливостью и воздержаніемъ; религія служитъ ему въ правоученіе. его добродѣтели, суть добродѣтели мужей великихъ. Исполненъ бывъ чистосердечія, гнушается онъ ложью и, бывъ врожденно праводушенъ, попираетъ лукавство. Онъ знакомъ и обходится съ одними только людьми добрыми: честь и честность составляютъ особенно его качества. Онъ любезенъ своему Государю и всему войску; всѣ ему преданы съ полною довѣренностію. Въ день сраженія или похода онъ развѣшиваетъ съ точностію всѣ предметы, распоряжаетъ мѣры и совершенно препоручаетъ себя Промыслу Вышняго. Онъ никогда не попускаетъ увлекать себя

стеченію обстоятельствъ; напротивъ, покоряетъ себѣ всѣ случаи, всегда дѣйствуя по правиламъ своей прозорливости, на каждое мгновеніе неутомимый".

Въ приложенной къ этому письму копіи заключалось слѣдующее: „Любезный мой крестникъ Александръ!". „Какъ человѣкъ военный, упражняйся съ прилеженіемъ въ чтеніи Вобана, Кугорна, Кураса, Гибнера; будь знающимъ нѣсколько въ богословіи, физикѣ и нравственной философіи, читай со тщаніемъ Евгенія, Тюреня, записки Юлія Цезаря, Фридриха II, первыя части Ролленевой исторіи и графа Сакса, знаніе языковъ предоставлено ученымъ, танцуй, учись верховой ѣздѣ и фехтовальному искусству. Достоинства военныя суть: храбрость для солдата, бодрость для офицера, мужество для генерала, но оныя должны быть руководствуемы правилами порядка и строгости, а управляемы неусыпностію и прозорливостію. Будь чистосердеченъ съ твоими друзьями, умѣренъ въ своихъ нуждахъ и безупреченъ въ своемъ поведеніи. Въ службѣ своему Государю являй пламенную ревность; люби истинную славу; отличай любочестіе отъ надмѣнности и гордости. Учись заблаговременно прощать погрѣшности ближняго и никогда не прощай оныхъ въ самомъ себѣ. Упражняй тщательно своихъ подчиненныхъ и во всемъ подавай имъ примѣръ собою. Непрестанный навыкъ все обнимать единымъ взглядомъ содѣлаетъ тебя великимъ генераломъ. Умѣй пользоваться положеніемъ мѣста, будь терпѣливымъ въ трудахъ военныхъ, не унывай въ несчастіи, предупреждай предметы истинные, сомнительные и ложные, остерегайся безвременной запальчивости. Храни въ памяти своей мужей великихъ и съ благоразуміемъ подражай имъ въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Никогда не презирай своего непріятеля, каковъ бы онъ ни былъ; старайся узнать его оружіе и способъ, какъ онымъ дѣйствуетъ и сражается; старайся узнать въ чемъ онъ силенъ и въ чемъ слабъ. Пріучай себя къ неутомимой дѣятельности, повелѣвай счастію: и когда одна минута вѣнчаетъ побѣдою, покоряй себѣ оную съ быстротою Цезаря, который столько хорошо умѣлъ нечаянно нападать на своихъ непріятелей даже среди бѣлаго дня, приводить въ смятеніе и нападать въ томъ мѣстѣ, гдѣ только желалъ, и въ такое время, когда хотѣлъ, не старался пресѣкать онымъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ и фуража. Старайся быть искуснымъ въ томъ, чтобы твоему войску не было недостатка въ пропитаніи. Да возвыситъ тебя Богъ до геройства знаменитаго Карачая" (сынъ котораго и былъ крестникомъ великаго полководца).

«Суворовъ».

Помѣщенные выше анекдоты и наставительное письмо къ его крестнику, характеризуя кругозоръ Суворова въ частной его жизни, не умаляютъ его геніальности, а лишь смягчаютъ и оживляютъ его обликъ предъ потомствомъ. Несравненная деликатность въ обращеніи уживалась съ непоколебимостью его желѣзной воли. Истинная воинская доблесть нисколько не мѣшала проявленію доблести гражданской.

Чистая душа, горячее, любящее сердце, здравый и просвѣщенный умъ бьютъ ключемъ во всѣхъ дошедшихъ до потомства анекдотахъ изъ эпизодовъ его жизни. Таковы были истинные герои всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, и въ свѣтломъ сонмѣ ихъ высоко стоитъ Суворовъ—нашъ родной, истый русскій витязь, незабвенный вождь чудо-богатырей.

Рожденный съ призваніемъ воина, онъ не закопалъ въ землю данный ему Богомъ талантъ, а старательно воздѣлывалъ его съ самаго нѣжнаго дѣтства. Развивая въ себѣ качества, необходимыя воину, онъ никогда не переставалъ быть достойнѣйшимъ гражданиномъ; покорный сынъ, чадолюбивый отецъ, преданный слуга Престолу и отечеству и благочестивый христіанинъ—Суворовъ былъ образцомъ для своихъ соотечественниковъ. Образцомъ этимъ онъ останется и навсегда. Каждый русскій долженъ изучить съ любовью и глубокимъ уваженіемъ всю жизнь этого великаго русскаго человѣка и запечатлѣть въ своей памяти и сердцѣ его любезный и почтенный образъ.

Жизнь и дѣятельность Суворова въ Новгородскихъ вотчинахъ.

Храмъ оставленный—все храмъ.
Кумиръ поверженный—все богъ.
Лермонтовъ.

Суворовъ унаслѣдовалъ отъ отца въ благопріобрѣтенномъ селѣ Кончанскомъ и въ Сопинской вотчинѣ съ деревнями 400 душъ крѣпостныхъ крестьянъ и въ Кривинской вотчинѣ 500 душъ мужескаго пола, всего 900 душъ и 915 женскаго пола, а въ Шереховическомъ погостѣ при родовой усадьбѣ Каменкѣ 82 души крѣпостныхъ крестьянъ мужскаго пола. Генеральнаго межеванія тогда еще не было произведено, поэтому границы его земельныхъ владѣній означались живыми урочищами. Въ купчей 1763 г. значится, что В. И. Суворовъ купилъ у И. И. Шувалова Кончанское и Кривинскую вотчину 26000 десятинъ и 900 душъ крѣпостныхъ за 23000 рублей ассиг-

пацiями. Родовыхъ въ Каменкѣ было 82 души. Дѣла семейнаго его архива не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Сопинская и Кривинская вотчины были куплены его отцомъ въ 1763 г. отъ И. И. Шувалова, а усадьба Каменка въ Шереховичскомъ погостѣ была родовою, пожалованною еще шведскому дворянину Сувору, переселившемуся сюда вмѣстѣ съ корельскими выходцами на пожалованныя ему за Государеву службу противъ Крымцевъ пустоши въ Бѣжецкой пятинѣ Новгородской области.

Находящаяся въ Шереховичскомъ погостѣ усадьба Каменка числилась во владѣнiи рода Суворовыхъ со времени пожалованiя ея Корельскому выходцу шведскому дворянину Сувору до перехода по раздѣльному акту къ внуку генералиссимуса, а отъ сего послѣдняго подарена губернскому земству подъ Суворовскiй инвалидный домъ. Непрерывность состоянiя ея въ родѣ Суворова вполнѣ подтверждается мѣстными историческими справками. Усадьба Каменка приняла нынѣшнее ея названiе отъ смежнаго съ нею озера Каменнаго, первоначально же она называлась „пустошь Суворiха“. (Неволинъ. О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ. Спб. 1853 г. Приложенiе XII стран. 344).

Въ Писцовой книгѣ Бѣжецкой пятины Новгородской области 1582—1583 годовъ письма князя Ѳедора Михайловича Ласкирева и подъячаго Ильи Иванова, на листѣ 893 о шереховичскомъ погостѣ записано:

„Погостъ. А на погостѣ церковь Николы Чудотворца, да теплая церковь Пятница святая, деревянная, стоятъ безъ пѣнья. Пашни лѣсомъ поросло восьмь чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна пятнадцать копенъ. Да церковная жъ деревня Голенево: пашни лѣсомъ поросло шесть чети въ полѣ, а въ дву по томужъ, сѣна десять копенъ. А въ обжи церковная пашня не положена. Погостъ сталъ ново; а на погостѣ церковь Николы Чудотворца стоитъ безъ пѣнья Сталъ въ деревнѣ въ Дубровкѣ, на Степанцовѣ да на Васюковѣ землѣ Суворовыхъ“ и т. д. *)

Въ Новгородскихъ (Боровичскаго уѣзда) вотчинахъ генералиссимуса Суворова, какъ видно изъ раздѣльнаго акта 11 апрѣля 1841 года **) между внуками его Александромъ и Константиномъ, было слѣдующее

*) См. писц. книги Бѣжецкой пятины 1582—1583 г. Вотчиннаго Департамента, хранящiяся при Московскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената.

**) Обозрѣнiемъ этого акта мы воспользовались при любезномъ содѣйствiи Предсѣдателя Новгородскаго Окружнаго Суда дѣйств. ст. сов. Гизетти въ архивѣ этого суда. Дѣло № 8871, 1841 г.

число крѣпостныхъ мужескаго пола, по 8-й ревизіи: Село Кончанское 101, сельцо Софія, Хомля тожъ 19, деревни: Дурилино 30, Лядинка 44, Сергѣйково 53, Медвѣдково 24, Крепугино 98, Семенково 42, Гузнобоево, Аркадіевка тожъ 53, Ефремово, Дубье тожъ 25, Стеглиха 18, Нивы 16, Колокольцово 54, Опарино 16, Бѣлая или Малиновъ Боръ 7, родовая усадьба Каменка 51, сельцо Александрово 21, деревни: Колоколуша 50, Жаръ 18, Фалькова 17, Голицы 77, Копина Горушка 20, Почернаева 15, Заголовья 25, Зарѣчье 32, Ермолова Горка 14, Большіе Горы 51, Олохово 13, Пещаница 59, Заозерье 17, Заручевье 29, Донбаева 39, Кадилиха 46, Зубова 40, Ушемова 62, Какилева горушка 16, Долганова 43, Березна 5, Голова 13, Высокая горка 13; пустоши: Михалкина, Папиклица, Федоровская, Богданова, Язвикъ, Михайлова, Никитиха, Демидова Кленьша, Поюзова, Осташево, Овдошево тожъ, Хворостова и Гнилка. Кромѣ того вновь населенная деревня Гороховица. Стоимость Боровичскихъ вотчинъ для взиманія пошлинъ объявлена, совокупно съ владѣніями въ другихъ губерніяхъ, 308000 руб. сер., Кромѣ того состояло дворовыхъ крѣпостныхъ изъ Новгородскихъ вотчинъ при князѣ Александрѣ Аркадьевичѣ 55 обоего пола и при князѣ Константинѣ Аркадьевичѣ 9 человѣкъ обоего пола.

Деревня Бѣлая или Малиновъ Боръ съ 127 десятинами земли, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго прошенія новѣреннаго князя Аркадія Александровича Суворова отъ 23 марта 1803 года, его крѣпостнаго крестьянина Григорія Антонова *) была куплена въ 1766 году отъ Боровичскаго помѣщика Екима Маврина, родственники котораго долго судились съ генералиссимусомъ, желая оттягать эту землю и дѣло рѣшено въ пользу наслѣдниковъ генералиссимуса лишь 27-го Ноября 1802 года.

По изысканіямъ Рыбкина (Генералиссимусъ Суворовъ въ своихъ вотчинахъ. Спб. 1873 г. стр. 20). Суворовъ въ 1784—1785 гг. исправлялъ барскіе дома въ Новгородскихъ вотчинахъ, какъ въ Кончанскомъ, такъ и въ Каменкѣ; въ началѣ семидесятыхъ годовъ Рыбкинъ видѣлъ въ нихъ уцѣлѣвшую съ того времени мебель изъ еловаго дерева. Съ того времени, какъ Суворовъ сдѣлался по смерти отца хозяиномъ Новгородскихъ вотчинъ, онъ лично былъ въ Кончанскомъ трижды и въ Каменкѣ только дважды въ 1785 и 1797 годахъ. Первою заботою Суворова при вступленіи во владѣніе Новгородскими

*) Дѣло Новгородской палаты Гражданскаго Суда № 657, 1795 г.

вотчинами была постройка въ 1784 году деревянной церкви въ селѣ Кончанскомъ въ усадебномъ саду и каменной въ селѣ Сопинахъ, послѣдняя строилась долго и освященіе ея относится къ 1799 году. *) Матеріальною поддержкою Суворова пользовалась и ближайшая къ родовому его гнѣзду—Каменкѣ приходская церковь въ селѣ Никандровѣ, обращенная въ таковую изъ Городноезерской Никандровой пустыни, упраздненной въ 1764 году. Основаніе этой пустыни Преподобнымъ Никандромъ Городноезерскимъ почти современно пожалованію Каменки Сувору и Новгородскіе дворяне Суворовы, пока жили въ своей родовой усадьбѣ, поддерживали ея существованіе, столь необходимое для просвѣщенія въ духѣ православія получившихъ здѣсь осѣдлость вмѣстѣ съ Суворомъ корелъ.

Второе мѣсто послѣ Божіихъ храмовъ въ попечительномъ и благочестивомъ сердцѣ Суворова занимали его дворовые и оброчные крѣпостные крестьяне.

Замѣтивъ малый приростъ крѣпостныхъ мужскаго пола между 3-й и 4-й ревизіею (народною переписью) и желая поднять ихъ зажиточность, сильно страдавшую отъ частыхъ рекрутскихъ наборовъ, по причинѣ тогдашнихъ непрерывныхъ войнъ, онъ постановилъ правиломъ, чтобы его вотчины взамѣнъ отдачи молодыхъ крестьянъ въ рекруты, поставляли на складочныя деньги наемщиковъ. Такой наемъ рекрута „изъ гулящихъ чужихъ людей“ обходился отъ 150 до 200 рублей ассигнаціями **). Половину этихъ денегъ собирали между собой крестьяне, а другую добавлялъ самъ Суворовъ изъ ежегоднаго оброка.

По причинѣ нахожденія своего на службѣ онъ не занимался сельскимъ хозяйствомъ и крестьяне вмѣсто работъ на помѣщика натурою платили ему оброкъ денежный отъ 3-хъ до 5-ти рублей съ ревизской души, т. е. съ крестьянина взрослаго, обрабатывающаго свою землю.

Приведу слѣдующій примѣръ, съ какою твердостію Суворовъ проводилъ въ жизнь крестьянъ свои благодѣтельныя мѣропріятія.

Крестьяне села Шукши, не понимая своего блага, представили Суворову слѣдующее прошеніе (Рыбкинъ. Ген. Суворовъ. Спб. 1873 г. стран. 24). „Мы, государь, купить рекрута никто не въ силахъ, да

*) Изъ приказа Суворова Новгородскимъ вотчинахъ видно, что въ іюлѣ 1785 г. п. 7-й назначено оброкъ со всѣхъ вотчинъ (3000 рублей) за 1787 годъ отдать вкладомъ на постройку Сопинской церкви. Во второй свой пріѣздъ въ Кончанское онъ приказалъ выстроить въ своемъ саду деревянную церковь во имя Св. Александра Невскаго.

**) При массѣ дворовыхъ людей у тогдашнихъ помѣщиковъ въ гуляющихъ годныхъ только въ солдаты недостатка не было. Въ Боровичахъ въ базарный день такія гуляющіе продавались открыто.

у насъ сиротъ другой годъ и хлѣбъ ни ржаной, ни яровой не родится, продать нечего, а къ тому же мы пришли по скудости въ упадокъ, а другіе изъ насъ и милостынею питаются. А есть у насъ, государь, такое намѣреніе; у насъ живетъ бобыль, который никакихъ податей не платитъ, а шатается по сторонамъ, года по два и по три и въ домъ, государь, не приходитъ и не знаемъ, гдѣ онъ бобыль живетъ, то вотъ мы и просимъ у вашего превосходительства милости, что бы милостиво соизволили, какъ было при покойномъ вашемъ родителѣ, приказать того бобыля, бѣглаго, за нынѣшній наборъ за все крестьянство отдать въ рекруты, а ему въ вотчинѣ жить не при чемъ, у него ничего нѣтъ, да и впредь ожидать отъ него нечего".

Исторія сохранила намъ слѣдующую резолюцію Суворова на этомъ прошеніи:

„Рекрута нынѣ купить и впредь такожъ всегда покупать, хотя у кого и неурожай, тѣхъ снабжать міромъ, а по міру не бродить. Иначе велю Ивана (старосту) и прочихъ высѣчь. Бобыля же отнюдь въ рекруты не отдавать. Не надлежало дозволять бродить ему по сторонамъ. Съ полученіемъ сего въ сей же мясоѣдъ этого бобыля женить и завести ему міромъ хозяйство. Буде же замѣшкаетесь, то я велю его женить на вашей первостатейной дѣвицѣ, а доколѣ онъ исправится, ему пособлять міромъ во всемъ: завести ему домъ, ложку, плошку, скотину и прочее". *А. Суворовъ.*

Въ такой резолюціи, могущей сдѣлать честь даже гуманисту нашего вѣка, сказался весь Суворовъ, украшенный лучами жизненной правды, опередившій современниковъ цѣлымъ столѣтіемъ.

Суворовъ непрестанно заботился о насажденіи нравственности между крѣпостными, для чего поощрялъ раннее вступленіе въ бракъ и когда въ своей вотчинѣ недоставало невѣстъ, то онъ выдавалъ отъ себя 10 рублей въ пособіе на покупку дѣвки на сторонѣ.

При отцѣ его крестьяне платили оброкъ по два рубля въ годъ съ души, онъ же увеличилъ сумму оброка до 3-хъ рублей, но за то уничтожилъ оброкъ натурою: холстами, грибами, птицею, рыбою, свининою и проч Хотя въ то время всѣ жизненные припасы и были дешевы, но Суворовъ зналъ, какое горе крестьянамъ причиняли эти натуральные оброки, браковка и прижимка при пріемѣ ихъ бурмистрами, а главное потеря времени на доставку и сдачу ихъ за 40 верстъ отъ ихъ жилья.

Для увеличенія количества культурной земли, по мѣрѣ приращенія семей крестьянъ, Суворовъ отводилъ свои лѣса подъ лядины,

т. е. подъ будущія пашни и такъ какъ работы подобнаго рода производились чуть не цѣлыми вотчинами и потомъ при раздѣлѣ очищенныхъ огнемъ земель возникали споры, то Суворовъ приказывалъ быть при дѣлежѣ новыхъ пашень священникамъ, „для совѣстнаго разграниченія прежде скуднымъ землями, а затѣмъ уже въ надбавку достаточнымъ".

Предметъ первой необходимости—соль была очень дорога въ розничной продажѣ. Въ заботахъ о скудныхъ крестьянахъ Суворовъ приказывалъ дѣлать гуртовыя ея закупки для цѣлой вотчины въ складчину, привозить на своихъ подводахъ издалека и затѣмъ дѣлить по семьямъ совѣстно, безъ обиды.

Пьющихъ крестьянъ Суворовъ терпѣть не могъ, но тѣлесно ихъ за это не наказывалъ, ограничиваясь приказаніемъ обливать пьяницу холодною водою изъ ушата, приговаривая при этомъ: „Коли горячее любишь, то и къ холодному будь способенъ".

Въ бесѣдахъ съ крѣпостными Суворовъ часто говаривалъ: „Коли хочешъ жить и хлѣбъ имѣть, то работай проворно, заботу имѣй большую и время береги".

На экономію въ расходахъ по домашнему хозяйству указываютъ его своевременныя распоряженія по гуртовымъ закупкамъ продуктовъ на круглый годъ, такъ изъ письменныхъ приказовъ его управляющему видимъ: „огурцовъ насолить довольное число, до новыхъ". „Капусты бѣлой, сѣрой и кочанной наготовить, также и всѣхъ земляныхъ продуктовъ довольное число, въ запасъ до новыхъ. Въ ледъ зарубить лучшей рыбы и виноградной тешки. Осетрины и бѣлужины, думаю, по 6 пудовъ, засолить лучше селитрой". „У добрыхъ хозяевъ готовится густой красный мартовскій квасъ, то и такого не худо заготовить и хранить въ погребѣ нѣсколько бочепковъ". „Наварить и въ ледъ зарубить крѣпкаго русскаго хорошаго пива и полпива".

Будучи самъ примѣрной нравственности, онъ наблюдалъ за своевременнымъ вступленіемъ въ бракъ своихъ крѣпостныхъ, не дѣлая послабленія даже состоявшимъ при немъ дворовымъ, семьи которыхъ не могли не стѣснять такого помѣщика, какимъ былъ Суворовъ. Изъ письма его къ Новгородскому управляющему Семену Трофимовичу Румянцеву отъ 15 марта 1785 г. подобный взглядъ его обрисовывается съ необычайною яркостью:

Семенъ Трофимовичъ!

„Многіе дворовые ребята у меня такъ подросли, что ихъ женить пора. Дѣвокъ здѣсь нѣтъ, и купить ихъ гораздо дороже, нежели

въ вашей сторонѣ. Чего ради прошу васъ, для нихъ купить четыре дѣвицы отъ 14 до 18 лѣтъ... Лица не очень разбирая, лишь бы были здоровы. Да не можно ль, государь мой, выбрать еще изъ моихъ крестьянскихъ, такожъ дворовымъ людямъ въ невѣсты, дѣвочку—другую, только чтобъ то мужичкамъ было безобидно и т. д.". *А. Суворовъ.*

Другому управляющему вотчиною въ Боровичскомъ уѣздѣ Алексѣю Михайловичу Балку Суворовъ между прочимъ пишетъ: „Въ неурожаѣ крестьянину пособлять всѣмъ міромъ запмообразно, безъ всякихъ заработокъ, чиня раскладку на прочія семьи, совѣстно, при священникѣ и съ поспѣшностію". Видно охотники до чужой бѣды—міроѣды заявляли о себѣ и въ то отдаленное отъ насъ время, но зоркій глазъ Суворова не допускалъ закабалять несчастныхъ, хотя и облзывалъ возвратить пособіе при поправкѣ обстоятельствъ. Суворовъ въ своихъ письмахъ именуетъ міроѣдовъ „сильными крестьянами"; эта мѣткая кличка, не смотря на краткость, говоритъ многое уму и сердцу тѣхъ людей, которые по нынѣ скорбятъ о долѣ простого мужичка, попавшаго въ тяжелый годъ въ лапы міроѣда и затѣмъ десятки лѣтъ работающаго на него.

Дѣтище современной политической экономіи,—мечты создать среднее сословіе, т. е. съ отсутствіемъ крайне бѣдныхъ и крайне богатыхъ, очевидно серьезно озабочивало нашего знаменитаго Боровичскаго помѣщика. Въ тогдашній вѣкъ крѣпостной крестьянинъ рѣдко пользовался такою отеческою защитою помѣщика, прославшаго между владѣльцами сосѣднихъ вотчинъ за чудака филантропа.

Во время пребыванія въ вотчинѣ, любимымъ занятіемъ Суворова было древонасажденіе и разведеніе цвѣтниковъ. Онъ любилъ собственноручно вбивать колышки и натягивать бичевку для линіи посадки деревъ. Не даромъ въ Каменкѣ и въ Кончанскѣ мѣстное населеніе сохранило священную память о знаменитомъ ихъ насадителѣ и срубить такое дерево считается за грѣхъ, почти столь же тяжкій, какъ и святотатство *).

Вотъ что читаемъ мы о любви Суворова къ древонасажденію изъ его приказовъ: „Вмѣсто подсохшихъ березокъ посадить осенью новыя, а коли можно, то и елками, а подлѣ частокола метельникомъ, чтобы оный современемъ гуще разросся, былъ красивъ и пустыхъ мѣстъ въ немъ не было бы. Такожъ аллеи и дороги съ куртинами липникомъ и клепникомъ дополнить и украсить".

*) Посаженные по приказу Суворова его крѣпостными фруктовые сады, преимущественно яблони и вишни, сохранились до настоящаго времени въ Кончанскомъ, въ деревняхъ: Дубье, Смѣшковѣ, Хрепугинѣ и Ивѣ.

Любимое занятіе современныхъ ему помѣщиковъ—охота не была чужда и Суворову, но малый досугъ очевидно мѣшалъ ему пристраститься къ ней. Въ одномъ его приказѣ управляющему вотчиною объ охотѣ упомянуто кратко: „Сего году лучше всю стрѣльбу прекратить, а вмѣсто того завести больше въ приличныхъ мѣстахъ токовъ, гдѣ тетеревей и рябчиковъ благовременно прикармливать".

Въ одномъ приказѣ его значится: „12 человѣкъ дворовыхъ села Кончанскаго, въ томъ числѣ пять музыкантовъ, перевести на пашню, по могущей быть частой праздности; сѣмена на первый разъ господскія съ возвратомъ. Выучиться еще садить и ростить картофель. Онъ прибыленъ и здоровъ. Для коровъ отвести имъ сѣнокосъ. Пособить міромъ устроить имъ огородцы, клевки, погребки и анбарцы".

Все, что дошло до насъ о пройденномъ Суворовымъ жизненномъ пути вполнѣ убѣждаетъ, что онъ былъ великъ и въ мелочахъ, въ трудахъ службы и въ деревнѣ на отдыхѣ, что въ оригинальныхъ его поступкахъ вездѣ заключался или великій умъ, или прекрасное сердце.

Сохранившаяся собственноручная записка Суворова о причинахъ упадка крестьянскаго хозяйства достойна помѣщенія ея цѣликомъ:

„Лѣнь, писалъ въ этой запискѣ Суворовъ, рождается отъ изобилія. Такъ и здѣсь оная произошла издавна отъ излишества земли и отъ самыхъ легкихъ господскихъ оброковъ. Въ привычку вошло пахать иныя земли безъ навоза; отчего земля вырождается и изъ года въ годъ приноситъ плоды хуже. Отъ этой привычки нерадѣніе объ умноженіи скота, а по недостатку онаго мало навоза, такъ что и прочія земли хуже унавоживаются и отъ того главный неурожай хлѣба, который, отъ чего Боже сохрани, впредь еще хуже быть можетъ. Чего ради пустоши Вакатиху и Федейцево опредѣляю единожды навсегда на сѣнные покосы и въ нихъ впредь никогда земли не пахать и въ наймы не отдавать, а поросшій въ ней кустарникъ разчистить. Подъ посѣвъ же пахать столько, сколько по числу скотинъ, навозъ обнять можетъ, а неунавоженную не пахать и лучше оставшуюся, навозомъ непокрытую часть, пустить подъ луга, а кустарникъ своевременно срубать. Но и сіе только на это время; ибо я наистрожайше настаивать буду о размноженіи рогатаго скота и за нерадѣніе о томъ жестоко, въ началѣ старосту, а потомъ всѣхъ наказывать буду. Единожды размноженную скотину отнюдь не продавать и не рѣзать, а только бычковъ промѣнивать на телушекъ съ придачею. Самимъ же вамъ лучше быть пока безъ мяса, но съ хлѣбомъ и молокомъ. Развѣ чрезъ прошествіе нѣсколькихъ лѣтъ прироста ско-

тина окажется лишнею противъ земли и вся нынѣшняя земля укроется навозомъ, тогда можно и въ пустоши лишній навозъ вывозить. У крестьянина Михаила Иванова одна корова! Слѣдовало бы старосту и весь міръ оштрафовать за то, что допустили они Михаилу Иванову дожить до одной коровы. Но на сей разъ въ первые и въ послѣдніе прощается. Купить Иванову другую корову изъ оброчныхъ моихъ денегъ. Сіе дѣлаю не въ потворство и объявляю, чтобы впредь на то же еще никому не надѣяться. Богатыхъ и исправныхъ крестьянъ и крестьянъ скудныхъ различать и первымъ пособлять въ податяхъ и работахъ бѣднякамъ. Особливо почитать такихъ неимущихъ, у кого много малолѣтнихъ дѣтей. Того ради Михайлѣ Иванову сверхъ коровы купить еще изъ моихъ денегъ шапку въ рубль *).

Ближайшій поводъ къ лѣни—это безначаліе. Староста здѣсь годъ былъ только однимъ нарядникомъ и потворщикомъ. Нынѣ быть старостѣ на три года РомануВасильеву и вступить ему въ эту должность съ новаго года. Ежели будетъ исправенъ, то его правленіе продолжится паче, ежели въ его правленіе крестьяне разбогатѣютъ, а паче того, коли изъ нѣкоторыхъ выгонитъ лѣнь, и учинитъ къ работѣ и размноженіе скота и лошадей радѣтельными, то въ работахъ ему будетъ помощь отъ міра, а всѣ случающіяся угощенія—земскія, отправлять вотчиной. Моимъ дворовымъ людямъ никакихъ посуловъ давать не дерзать, ибо тѣми посулами откупаются виноватые, а кто изъ нихъ отважится оныхъ посуловъ требовать, то означать его имя прямо ко мнѣ въ отпискахъ". *А. Суворовъ.*

Выше было сказано о жизни и дѣятельности Суворова въ Новгородскихъ вотчинахъ, по преимуществу въ пользу другихъ, ,теперь настала очередь упомянуть, какъ жилъ онъ для себя. Поселившись послѣ отставки, по неудовольствію на него Императора Павла I за несочувствіе Суворова послѣдовавшимъ нововведеніямъ въ арміи по прусскому образцу, въ Кончанскомъ съ 5-го мая 1797 года, онъ былъ отданъ по распоряженію свыше подъ негласный надзоръ Боровичскаго

*) Въ помѣщенномъ у Рыбкина письмѣ изъ Ундола къ Матвѣичу отъ 24 сентября 1784 г. между прочимъ Суворовъ пишетъ слѣдующее: «за птицею хожденіе имѣть въ Рождественѣ кухмистеру Сидору съ его супругою, которымъ производить выдачу провіанта, обычную, а на дѣтей ихъ до 5-ти лѣтъ половинный провіантъ: съ 5-ти лѣтъ—полный, какъ взрослымъ; на новорожденнаго всегда выдавать рубль. Это все дѣлать для поощренія дѣторождества». Владѣлецъ добивался приращенія своей живой нивѣ всякими хорошими способами. Нашего же вѣка хозяинъ имѣетъ дѣло съ мертвою землею, снабжаетъ ее туками, суперфосфатами и всякими другими средствами усиливаетъ ея плодородіе. У всякаго вѣка свои пріемы, чтобы поднять плодородіе на Новгородской суглинѣ.

городничаго Вындомскаго, впослѣдствіи, замѣненнаго чиновникомъ тайной полиціи коллежск. ассесор. Николевымъ. Первоначально онъ изрѣдка посѣщалъ сосѣднихъ помѣщиковъ и они бывали иногда у него, но затѣмъ и это признано было неумѣстнымъ для опальнаго. Въ іюлѣ навѣстили его сынъ Аркадій, любимая дочь графиня Наталья Александровна Зубова съ маленькимъ сыномъ своимъ. Ихъ сопровождали сюда дальняя родственница Раевская и воспитатель Аркадія—маіоръ Сіонъ съ женою. Эти дорогіе гости пробыли у Суворова два мѣсяца. По отъѣздѣ ихъ Суворовъ очень скучалъ и даже плакалъ. Мы знаемъ любовь Суворова къ теплой квартирѣ. Съ наступленіемъ холоднаго времени въ ветхомъ кончанскомъ домѣ жить было не возможно. Первоначально онъ предполагалъ провести зиму въ селѣ Ровномъ, въ 45-ти верстахъ отъ Кончанскаго, у своей родственницы О. А. Жеребцовой и этотъ переѣздъ ему былъ разрѣшенъ, но онъ передумалъ и переселился въ крестьянскую избу въ томъ же Кончанскомъ. Образъ жизни былъ обычный: вставалъ въ два часа пополуночи, обливался водою, пилъ чай, отправлялся къ заутренѣ и обѣднѣ въ свою церковь, читалъ апостола и пѣлъ при богослуженіи, обѣдалъ въ 7 часовъ утра, затѣмъ отдыхалъ и остальную часть дня занимался дѣлами по вотчинѣ и чтеніемъ газетъ и книгъ.

Въ праздники и царскіе дни первоначально отправлялся въ церковь въ мундирѣ при орденахъ, а затѣмъ пересталъ носить мундиръ и даже въ первый день Рождества былъ въ канифасномъ камзолѣ съ орденомъ Св. Анны на шеѣ; такъ шли дни за днями.

18-го февраля 1798 г. Суворовъ неожиданно получилъ извѣстіе о перемѣнѣ гнѣва на милость. Суворовъ поѣхалъ въ Петербургъ для выраженія своей вѣрноподданнической благодарности, былъ милостиво принятъ Императоромъ Павломъ I, но какъ онъ не просился вновь на службу, то и былъ отпущенъ снова въ свою вотчину, съ отмѣною однако установленнаго надъ нимъ надзора.

По возвращеніи въ с. Кончанское Суворовъ развлекался постройками для себя новаго дома со службами и двухъэтажной свѣтелки съ галлереями на горѣ Дубихѣ. Онъ сформировалъ при своей церкви хоръ пѣвчихъ изъ крѣпостныхъ дворовыхъ и открылъ школу для дворовыхъ мальчиковъ, въ которой лично руководилъ обученіемъ ихъ грамотѣ. Лѣтомъ 1798 года Суворовъ переѣхалъ на жительство въ новую свѣтелку (въ полуверстѣ отъ Кончанской усадьбы) на горѣ Дубихѣ, поросшей дикими елями. Изъ верхней галлереи открывался чудный видъ на окрестности и зеркальную

Л. Майеръ.

Свѣтелка на горѣ Дубихъ.

поверхность озеръ и рѣчекъ. Въ нижнемъ этажѣ бесѣдки была кухня, гдѣ извѣстный камердинеръ его Прохоръ Дубасовъ вмѣстѣ съ поваромъ, грѣли кипятокъ для чая и варили обѣдъ.

Лѣтомъ Суворовъ часто купался, и иногда, проходя по селу мимо ребятишекъ играющихъ въ бабки, принималъ участіе въ ихъ игрѣ. Ѣздилъ хотя и рѣдко гостить къ сосѣднимъ помѣщикамъ; за то они по отдѣлкѣ новаго дома навѣщали его часто. Въ царскіе дни устраивалъ пріемы и обѣды сосѣдямъ съ пальбою изъ пушекъ. Друзья его засиживались до полуночи; большею же частію онъ проводилъ время въ уединеніи или въ бесѣдѣ, самъ другъ, со священникомъ села Кончанскаго. На зиму 1798 г. Суворовъ переѣхалъ въ новый Кончанскій домъ, гдѣ былъ устроенъ и любимый зимній садъ, т. е. птичья комната съ поставленными въ кадкахъ елками и другими деревьями.

Такъ жилъ русскій Катонъ до призыва его на послѣднюю службу Царю и отечеству 6-го февраля 1799 г.

Великій Новгородецъ своими безпримѣрными подвигами на поляхъ и горахъ Италіи превзошелъ надежды на него Царя и Россіи, увѣнчалъ русское оружіе неувядаемыми лаврами и саблею высѣкъ на камнѣ вѣчности свое имя, слава котораго навсегда останется гордостію русскаго воинства.

Мѣстныя преданія о Суворовѣ.

Въ Боровичскихъ вотчинахъ Суворова между простымъ не книжнымъ народомъ доселѣ живы въ словесныхъ преданіяхъ слѣдующія легенды *).

1) О рожденіи Суворова.

Суворовъ родился недоноскомъ, когда мать его, проживавшая въ Каменкѣ, очень безпокоилась долгимъ отсутствіемъ своего мужа по службѣ; однажды отправилась служить по немъ заздравный молебенъ въ Никандрову пустынь, въ 11 верстахъ отъ родовой усадьбы Суворова. Во время молебна мать будто бы и разрѣшилась отъ бремени. Преподобный Никандръ, въ той обители почивавшій, возставъ

*) Записаны со словъ Николая Александровича Фелисова, Боровичскаго исправника, большого и восторженнаго почитателя Суворова.

изъ гроба, тотчасъ окрестилъ ребенка, предрекъ ему великую будущность и былъ всегда вторымъ ангеломъ хранителемъ, отчего Суворовъ, благодаря двумъ ангеламъ хранителямъ, и остался цѣлъ въ смертныхъ бояхъ и въ дѣлахъ своихъ былъ всегда угоденъ Богу, вѣдалъ Божію планиду, умѣлъ разрушать волшебство и козни діавола именемъ Божіимъ, крестомъ да молитвой, въ сраженіяхъ надъ нимъ парилъ орелъ, указывавшій путь къ пораженію непріятеля, одному Суворову видимый. Монахи этой пустыни разсказывали тогда многимъ, что послѣ рожденія Суворова въ обители, они, выйдя изъ храма, видѣли на небѣ, несмотря на бѣлый день, особое знаменіе.

и 2) О кончинѣ и будущей миссіи Суворова.

Среди дремучихъ лѣсовъ и болотъ въ корельской части Суворовской родовой вотчины, между жальниками *) подъ огромнымъ гранитомъ находится могила Суворова. Ходъ къ ней есть изъ подъ смежнаго болота, но онъ доступенъ только праведному человѣку, а грѣшнымъ и подходить сюда опасно. По слухамъ въ народѣ, иногда отваживались смѣльчаки, но исчезали въ пучинахъ бездоннаго болота. Надъ могилою Суворова постоянно блуждаютъ огни и носятся тѣни его вѣрныхъ соратниковъ, птицы въ томъ мѣстѣ даже не смѣютъ пролетать, на что голодные волки, привлекаемые стражею у могилы Суворова, и тѣ воютъ издали, пощелкивая зубами, а приблизиться не рѣшаются. Невзначай попавшіе близко къ этимъ жальникамъ чувствуютъ колыханіе земли подъ собою отъ невѣдомой подземной силы и лишь во время сотворившіе крестное знаменіе избавляются отъ конечной гибели прямо въ преисподнюю. Однакожъ, по тѣмъ же слухамъ въ народѣ, нѣкоторымъ удавалось издали подмѣтить въ гранитѣ отверстіе, чрезъ которое брежжитъ тусклый свѣтъ неугасаемой лампады у почивающаго подъ симъ камнемъ неземнымъ сномъ Суворова и до слуха такихъ смѣльчаковъ доносилось глухое замогильное поминовеніе рабу Божію князю Александру. Много вѣковъ спитъ тамъ Суворовъ; по словамъ легенды, онъ проснется въ тяжкую годину для его родины, когда вся русская земля покроется кровью по щиколотку боевому коню, тогда онъ встанетъ, выйдетъ изъ своей каменной кельи и сразитъ лютаго ворога земли русской, но это случится не скоро, пока не устанетъ Суворовъ Богу молиться за Святую Русь.

*) Жальники—это мѣстное названіе могилъ аборигеновъ, первопасельняковъ страны.

Ознаменованіе Новгородцами заслугъ Суворова.

8-го сентября 1862 года состоялось въ Высочайшемъ присутствіи освященіе памятника Тысячелѣтія Россіи, на горельефѣ котораго помѣщена бронзовая фигура князя Суворова, въ сосѣдствѣ съ графомъ Румянцевымъ, княземъ Барклай де-Толли и княземъ Кутузовымъ. Фигура Суворова была отлита изъ бронзы по рисунку художника Микѣшина и по модели скульптора Чижева, въ С.-Петербургской литейной Никольса и Плинке. Велика дань отечества памяти знаменитаго полководца, но еще больше его безпримѣрные подвиги, которые не перестанутъ напоминать о немъ въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ вѣковъ. Въ 1870 году, по случаю радостнаго событія уничтоженія Парижскаго трактата 1856 года и возстановленія правъ Россіи на Черномъ морѣ, Новгородцы вспомнили своего помѣщика, Кинбурнскаго героя, добывшаго мечемъ Русской Коронѣ Черноморское побережье, и 1 декабря 1870 года на губернскомъ земскомъ собраніи было постановлено ознаменовать память Суворова учрежденіемъ въ селѣ Кончанскомъ инвалиднаго дома для 50 престарѣлыхъ воиновъ.

Суворовъ при жизни своей считалъ своею обязанностію призрѣніе ветерановъ и учредилъ на свои средства инвалидные дома: въ своемъ Кобринскомъ имѣніи—для 18 штабъ и оберъ офицеровъ, надѣливъ каждаго землею, усадьбами и крѣпостными, и въ с. Кончанскѣ для 6 солдатъ и 4 донскихъ коней, на полномъ содержаніи и особой пенсіи.

Осуществленіе этого постановленія земскаго собранія было возложено на особую комиссію подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства Г. М. Коковцева, изъ членовъ, губернскихъ гласныхъ: барона Гейкинга, Храповицкаго, Фирсова, Рейхеля и Тимаева.

5-го Апрѣля 1872 года воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на открытіе подписки пожертвованій по имперіи на сооруженіе Суворовскаго инвалиднаго дома. Пожертвованія стекались обильно лишь изъ предѣловъ Новгородской губерніи и увеличились, когда за дѣло сбора пожертвованій взялся внукъ великаго полководца князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ. Къ 5 декабря 1878 г. сумма всѣхъ пожертвованій по имперіи достигла 30939 руб. 13 коп.; къ этой суммѣ кн. Александръ Аркадьевичъ, въ концѣ того же года, присоединилъ пожертвованные Императоромъ Александромъ II и Членами

Императорской Фамиліи 6900 рублей и собранные княземъ Александромъ Аркадьевичемъ среди своихъ родственниковъ и знакомыхъ 14121 рубль, что составило къ началу 1879 года фондъ въ 51960 рублей 13 копѣекъ.

Письмомъ отъ 16 іюля 1878 года князь Александръ Аркадьевичъ просилъ предсѣдателя губернской земской управы, вмѣсто села Кончанскаго, устроить инвалидный домъ въ родовой усадьбѣ Каменкѣ Боровичскаго уѣзда, какъ имѣющей по сравненію съ с. Кончанскимъ большее историческое значеніе, *ибо въ ней родился нашъ великій полководецъ, провелъ тутъ съ отцемъ Василіемъ Ивановичемъ Суворовымъ свои дѣтскіе годы и его рукою посаженъ сохранившійся въ Каменкѣ до настоящаго времени чудный садъ на берегу озера Каменскаго.* Для этой цѣли князь Александръ Аркадьевичъ пожертвовалъ подъ инвалидный домъ всѣ усадебныя строенія въ Каменкѣ, въ томъ числѣ и домъ, въ которомъ родился Суворовъ, съ землею при немъ 4 десятины 1952 квадрат. сажени. Кромѣ того онъ выстроилъ для инвалидовъ въ Каменкѣ на собственныя средства деревянную церковь во имя Св. Александра Невскаго, которая и была освящена 30 августа 1882 года. Образа для иконостаса были написаны Академикомъ Васильевымъ. Какъ дорогая для инвалидовъ реликвія, въ церкви, въ особой витринѣ, былъ положенъ фельдмаршальскій мундиръ генералиссимуса князя А. В. Суворова.

Постройка церкви, внутренняя отдѣлка и утварь обошлись въ 12293 рубля 97 копѣекъ. Къ прискорбію церковь эта сгорѣла въ 1885 году и на ея мѣстѣ теперь земствомъ выстроена новая деревянная церковь, съ затратою на ея сооруженіе 10000 рублей, изъ коихъ 6780 рублей были покрыты страховою премією.

Подписка по имперіи прекратилась въ 1893 году, и за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по приспособленію пожертвованной внукомъ Суворова усадьбы Каменки подъ инвалидный домъ, запасный фондъ на содержаніе инвалидовъ къ 1 января 1898 г. достигъ 75454 р. 36 коп *) Получаемые съ этого капитала %, ежегодно, въ суммѣ 3081 руб. 85 коп. и поступаютъ на содержаніе 25 инвалидовъ.

Открытіе Суворовскаго инвалиднаго дома, считая время пріема въ оный перваго призрѣваемаго ветерана, было 10 ноября 1879 г. Богослуженія въ церкви при инвалидномъ домѣ совершаются по вос-

*) Достойно примѣчанія особое почтеніе къ памяти Суворова со стороны старообрядцевъ. Староста московскаго Рогожскаго кладбища прислалъ собранные имъ 2000 рублей на сооруженіе инвалиднаго дома въ Каменкѣ.

кресенькмъ, праздничнымъ и царскимъ днямъ священникомъ села Никандрова. Медицинскою помощью инвалиды пользуются у земскаго врача, пріѣзжающаго изъ села Шереховичъ, въ 11 верстахъ отъ Каменки.

Уставъ Суворовскаго инвалиднаго дома былъ утвержденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 17 мая 1879 года.

Уставъ былъ выработанъ земствомъ, примѣнительно къ уставу дома призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ въ г. Петергофѣ, въ память Императора Николая I, открытаго 14 іюня 1859 года.

За минувшее двадцатилѣтіе 1879—1892 въ Суворовскій Инвалидный домъ было принято ветерановъ 92, изъ нихъ убыло: смертію 49 и по другимъ причинамъ 16 человѣкъ; нынѣ состоитъ на призрѣніи 27 инвалидовъ.

Созданное по мысли Новгородскаго земства это несравненно благое дѣло призрѣнія ветерановъ, обязанныхъ покоемъ на закатѣ своихъ дней великому имени, вполнѣ отвѣчаетъ духу и влеченіямъ добраго сердца знаменитаго Новгородца, стяжавшаго безсмертіе своими безпримѣрными подвигами, увѣнчавшаго русское оружіе неувядаемою славою и возвеличившаго свою родину далеко за ея предѣлами.

Боровичская городская дума, движимая достойнымъ почитаніемъ памяти знаменитаго Боровичскаго помѣщика, приступила къ сооруженію въ г. Боровичахъ памятника генералиссимусу Суворову, назвавъ его именемъ и свою набережную рѣки Мсты.

Дворянство Новгородской губерніи внесло свою лепту на сооруженіе памятника Суворову въ г. Боровичахъ и приняло подъ свою охрану подаренную ему В. В. Молоствовымъ (правнукомъ Суворова) бесѣдку-павильонъ на горѣ Дубихѣ близъ села Кончанскаго, гдѣ въ послѣдніе годы своей жизни уединялся великій полководецъ и гдѣ у него созрѣли планы дѣйствій въ Италіи, увѣнчавшіеся безпримѣрными побѣдами во славу Царя и Отечества.

Въ селѣ Сопинахъ къ предстоящему юбилею предположено открыть для крестьянъ больницу имени Суворова.

Реликвіи, соединенныя съ памятью о Суворовѣ.

Послѣ Каменки, сохранившей Новгородцамъ колыбель Суворова,— домъ, въ которомъ, по преданію, онъ родился и провелъ дѣтскіе годы, первое мѣсто въ ряду общественныхъ памятниковъ, неразрывно свя-

занныхъ съ именемъ великаго полководца, занимаетъ село Кончанское. Это настоящая русская Ѳиваида, не перестающая въ теченіе цѣлаго столѣтія привлекать военныхъ пилигримовъ, разсказы которыхъ о видѣнномъ отъ времени до времени появляются въ печати. Послѣднимъ такимъ пилигримомъ въ 1899 году былъ профессоръ Академіи Генеральнаго Штаба полковникъ Мышлаевскій, разсказу котораго о нынѣшнемъ состояніи Кончанскаго мы и намѣрены слѣдовать.

Въ полуверстѣ отъ села Кончанскаго находится прославленная гора Дубиха съ свѣтелкою, въ которой нашъ геніальный полководецъ обдумалъ и начерталъ на планахъ знаменитый въ военныхъ лѣтописяхъ Итальянскій походъ.

Эта гора съ крутыми скатами и плоскою вершиною, поросшею лѣсомъ, открываетъ чудный видъ на всю окружающую мѣстность.

Почти въ центрѣ рощи находится свѣтелка, въ видѣ квадратнаго сруба, въ два этажа, окруженнаго открытыми галлереями.

Отъ Дубихи къ селу Кончанскому ведетъ березовая аллея. Къ югу отъ села, почти на равной съ нимъ площади, расположена усадьба Суворова. При выходѣ изъ села взору пилигрима представляется на первомъ планѣ извѣстный полудомикъ, выстроенный на мѣстѣ, а отчасти и изъ матеріаловъ того дома, въ которомъ жилъ Суворовъ. Шагахъ въ 30—40 отъ полудомика въ центрѣ усадьбы высится барскій домъ, построенный уже послѣ смерти великаго полководца его внукомъ. За этимъ домомъ садъ—одинъ изъ немногихъ памятниковъ, говорящихъ о полководцѣ. Разведенъ онъ по личнымъ указаніямъ Суворова еще въ 1786 г. Деревья сходятся по радіусамъ къ тремъ точкамъ средней аллеи. По главной аллеѣ въ глубинѣ сада, шагахъ въ 300 отъ господскаго дома, видѣется небольшая деревянная церковь съ куполомъ надъ алтаремъ и стройною колокольнею. Церковь эта сооружена Суворовымъ по его плану, указаніямъ и подъ его же надзоромъ. Оставаясь послѣдніе 40 лѣтъ безъ ремонта, и этотъ величайшій памятникъ начинаетъ грозить своимъ разрушеніемъ. Если полудомикъ не сохранилъ намъ спартанской обстановки повседневной жизни великаго Суворова, то святой храмъ, благодареніе Творцу, являетъ намъ полную въ этомъ отношеніи сокровищницу воспоминаній о Суворовѣ. Здѣсь все имъ полно. Цѣлъ аналогіонъ, съ котораго онъ читалъ апостола, цѣлъ клиросъ, гдѣ онъ пѣлъ и славословилъ Господа. Уцѣлѣли Царскія врата и мѣстныя иконы, предъ которыми онъ творилъ молитву съ земными поклонами. Изъ современной ему церковной утвари сохранились два серебряныхъ кадила, два подсвѣч-

Церковь въ с. Кончанскомъ.

ника и паникадило. Сохранился въ особой витринѣ и Аннинскій шейный крестъ съ брилліантовыми украшеніями, неразлучный съ великимъ Суворовымъ и тогда, когда онъ щеголялъ въ канифасномъ камзольчикѣ, сдѣлавшись заправскимъ Новгородскимъ помѣщикомъ, и всѣ его ленты первыхъ степеней, не исключая и св. Георгія перваго класса. Сохранились также: генеральскій плюмажъ отъ треугольной шляпы, фрейлинскій шифръ его любимицы дочери—Суворочки, полевая зрительная труба съ футляромъ, овальный серебряный образокъ Архистратига Михаила, дань почитанія подвиговъ Суворова отъ Якутскаго мѣщанина Ефима Петрова, дошедшій по адресу вѣроятно уже послѣ кончины Суворова. Мраморная плита, бывшая надгробіемъ Суворова до 1850 г. въ Благовѣщенскомъ соборѣ Александро-Невской лавры, съ высѣченнымъ полнымъ титуломъ генералисимуса.

Въ 1873 году Рыбкинъ видѣлъ въ той же витринѣ съ орденскими лентами и часть фельдмаршальскаго жезла (предметный діоптръ въ оправѣ), но теперь ея уже нѣтъ и куда она исчезла не извѣстно.

Въ Каменкѣ, по словамъ Рыбкина, сохранилась кровать, два стула и столъ изъ еловаго дерева, служившіе Суворову.

Въ полудомикѣ въ Кончанскомъ сохранились служившій Суворову диванъ изъ еловаго дерева, двѣ боевыхъ сабли, письменный столъ, живописные портреты Суворова и его супруги Варвары Ивановны и деревянный бюстъ Императрицы Екатерины II *).

Въ церкви села Сопинъ, въ 4 верстахъ отъ села Кончанскаго, хранится часть древняго иконостаса изъ Суворовской церкви въ селѣ Кончанскомъ и статуя Спасителя, по преданію, вывезенная Суворовымъ изъ Праги.

Другой достопамятный пилигримъ профессоръ той же академіи полковникъ Астафьевъ, въ сопровожденіи 40 обучавшихся въ академіи офицеровъ, посѣтилъ Кончанское въ 1856 году. Послѣ совершенной въ Суворовской церкви панихиды за упокой приснопамятнаго побѣдоносца Александра, корпорація офицеровъ-академиковъ отправилась въ свѣтелку на горѣ Дубихѣ, гдѣ по русскому обычаю помянула покойнаго полководца хлѣбомъ-солью, при чемъ, придерживаясь на этой тризнѣ Суворовскаго меню, первенствующею закускою была рѣдька.

---

*) Письменный столъ и бюстъ Императрицы Екатерины II подарены владѣльцемъ села Кончанскаго Новгородскому музею древностей, гдѣ и хранятся нынѣ въ аванзалѣ 3-го этажа музея.

Считаемъ не лишнимъ привести ниже и рѣчь, произнесенную экспромтомъ полковникомъ Астафьевымъ за этою импровизированною тризною, подъ сѣнію вѣковыхъ елей Дубихи *).

„Цѣль собранія нашего состоитъ въ томъ, чтобы почтить память „великаго человѣка и показать предъ цѣлымъ свѣтомъ, сколько мы его „цѣнимъ и уважаемъ. Вотъ клиросъ, на которомъ онъ пѣлъ, и мѣсто „гдѣ читалъ апостола. Мы теперь дышимъ здѣсь тѣмъ же воздухомъ, „которымъ нѣкогда дышалъ Суворовъ. Изъ жизни этого лица мы на„учаемся многому. Съ его времени открывается блистательная эпоха „славы русскаго оружія. Онъ жилъ для Россіи и любилъ народъ „русскій. Обладая всѣми способами и средствами по своему званію, „ими не пользовался, презирая всякую роскошь, и въ то же время „водилъ отцевъ нашихъ отъ побѣды къ побѣдѣ, шествуя по слѣдамъ „Аннибала и Цезаря. При одномъ имени его зарождается въ душѣ „отвага, заставляющая смотрѣть равнодушно на жизнь и отдавать ее „на жертву отечеству. Среди множества нашихъ историческихъ зна„менитостей онъ стоитъ на первомъ планѣ и все-таки остается загад„кой для всѣхъ. Нуженъ великій историкъ для того, чтобы разга„дать эту величайшую особенность. Изъ очерка жизни его мы,— „истинные его ученики, должны почерпать назидательные уроки. На „службѣ своей держался онъ всегда одного правила дѣйствовать и „въ мирное время такъ, какъ на войнѣ. Постоянные экзерциціи, „марши и военныя работы у него не прекращались никогда. Проходя „въ мѣсяцъ съ войскомъ по тысячѣ верстъ, онъ не переставалъ обу„чать солдатъ стрѣльбѣ, совершенію фальшивыхъ атакъ, дѣйствію „штыками и проч.... Обучая кавалерію атакамъ, дѣлалъ такъ, чтобы „онѣ какъ можно ближе подходили у него къ дѣйствительности. „Обыкновенно баталіонъ, построенный въ карре (долженствовавшій „принять атаку), предъ самымъ достиженіемъ его кавалеріею, разда„вался на право и на лѣво, и ворвавшимся въ карре лошадямъ тот„часъ навѣшивались торбы съ овсомъ. Лошадей трудно заставить идти „на человѣка. Но у Суворова онѣ однако-жъ летѣли стремглавъ на „солдатъ, не смотря на штыки ихъ.

„Въ 1794 году Екатерина II, отправляя Суворова съ войскомъ „въ Польшу противъ Костюшки, сказала: *„Я послала двѣ арміи „въ Польшу—одну армію дѣйствительную, другую—Суворова“*.

„Отсюда изъ Кончанска Суворовъ слѣдилъ за всѣми недостатками „военнаго искусства въ Европѣ и втайнѣ создавалъ свой образъ дѣй-

*) Военный журналъ 1856 г. № 4.

„ствія—противоположный тогдашнему, непонятный и даже казавшійся „страннымъ. Онъ первый ввелъ у насъ строй колонны для боя и „создалъ свою лаконическую тактику, предпочитая атаку холоднымъ „оружіемъ и наступленіе предъ обороной. На ропотъ же войскъ, „утомляемыхъ трудными экзерциціями, обыкновенно онъ отзывался „такъ: дѣти, хотя и плачутъ отъ купанья въ холодной водѣ, но за „то послѣ бываютъ здоровы. Всегда его стратегическіе разсчеты кло„нились къ средоточію силъ, къ быстрому удару массою въ растяну„тые ряды непріятеля и къ дѣйствію на него внезапностью. Этотъ „образъ дѣйствія достался потомъ на долю Наполеона.

„Съ Суворовымъ русскія войска были участниками битвъ противъ „Фридриха Великаго и въ теченіе 40 лѣтъ переходили въ лѣса и „болота Польши и Литвы, на берега Дуная, въ степи Заволжскія, „въ Закубанскія кочевья; находились при покореніи потомковъ Чин„гиса въ Тавридѣ, снова на берегахъ Дуная и Рымника, на скалахъ „Финляндіи, на развалинахъ Праги, на поляхъ Италіи и наконецъ „на Альпахъ. Не много записала исторія на своихъ скрижаляхъ та„кихъ событій, какъ походъ въ Швейцарію. И Аннибалъ перехо„дилъ чрезъ Альпы, и Наполеонъ перебѣжалъ ихъ. Но подвиги ихъ „здѣсь ничтожны. Они только провели войско снѣжными вершинами, „не видя непріятеля. Но Суворовъ прокладывалъ себѣ дорогу на „Альпахъ мечемъ, каждый шагъ покупая кровью. Въ этомъ царствѣ „ужаса, допосилъ онъ Государю, зіяли окрестъ насъ пропасти, какъ „открытыя могилы. Мрачныя ночи, дожди и громы, водопады, ле„тѣвшіе съ вершинъ льдины и камни—все было преодолѣно и въ „этихъ недоступныхъ мѣстахъ не устоялъ предъ нами непріятель. Люди „утопали въ грязи, обрывались въ бездны вмѣстѣ съ лошадьми, но „среди всѣхъ ужасовъ этихъ десница Провидѣнія насъ хранила.

„Такъ все падало предъ Суворовымъ, и самъ онъ всюду несъ въ „битвы свою голову, какъ молодой отважный воинъ. Онъ 30 лѣтъ „ставилъ жизнь свою на карту, и только чудо спасало его среди „непрерывныхъ опасностей.

„Таковъ былъ Суворовъ, имя котораго гремѣло въ Европѣ. Лѣто„писецъ говоритъ: въ толпѣ царедворцевъ, въ совѣтѣ царей, на раз„валинахъ Измаила и Праги, на берегахъ Треббіи, льдахъ Сенъ„Готарда, въ улусѣ Ногайскомъ, на бивакахъ, въ сельскомъ уеди„неніи, Суворовъ вездѣ былъ самобытный, неизмѣнный, странный, „великій!“.

Участникъ этой достопамятной тризны, тогда молодой академикъ, впослѣдствіи профессоръ, а нынѣ командующій войсками, герой послѣдней турецкой войны М. И. Драгомировъ, великій носитель Суворовской идеи обученія войскъ и Суворовской спайки арміи отъ рядоваго до генерала, до настоящихъ дней трудится насажденіемъ ихъ по завѣтамъ Суворова.

Оглавленіе.

Стран.

Родъ Суворова 3
Родословіе Суворова 5
Описаніе герба 6
Рожденіе Суворова . . . . . —
Нравственный обликъ Суворова 10
Служебная дѣятельность Суворова 12
День Суворова 25
Медали и жетоны въ честь Суворова 33
Характеристика Суворова 34
Жизнь и дѣятельность Суворова въ Новгородскихъ вотчинахъ 49
Мѣстныя преданія о Суворовѣ 59
Ознаменованіе Новгородцами заслугъ Суворова . . 61
Реликвіи, соединенныя съ памятью о Суворовѣ . . 63

ОПЕЧАТКИ:

№ страницы:		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
4		Низима	Назима
7		лишъ	лишь
13		Аннибала	Ганнибала
14		образцевымъ	образцовымъ
15		бился	былъ
16		рескогносцировку	рекогносцировку
16	въ 3-й строкѣ снизу	1778 г.	1779 г.
17		со свойственнымъ	съ свойственнымъ
20		7 февраля	6 февраля
29		кемердинеръ	камердинеръ
—		ни былъ	не былъ
32		нокой души	покой души
41		говорить	говоритъ
43		въ право	вправо
47		безъ	безъ
—		точьностію	точностію
55		Дубье	Дубьѣ
63		двадцатилѣтіе 1879—1892	двадцатилѣтіе 1879—1899

2007043144